

КАРТА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ

НИКОЛАЙ
ДМИТРИЕВ

Исторические
Приключения

Исторические приключения (Вече)

Николай Дмитриев

Карта царя Алексея

«ВЕЧЕ»

2016

Дмитриев Н. Н.

Карта царя Алексея / Н. Н. Дмитриев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8646-7

Нет покоя государю Московии Алексею Михайловичу, прозванному Тишайшим. Усмирены враги внешние, но в низовьях Волги разгорается пламя казачьей вольницы под предводительством дерзкого Стеньки Разина. Да и на Русский Север настырно лезут незваные гости, которым очень хочется не только найти морской путь в таинственную Мангазею, но и обустроиться на чужих для них берегах Студёного моря. Новый роман признанного мастера остросюжетной литературы.

ISBN 978-5-4444-8646-7

© Дмитриев Н. Н., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Николай Дмитриев

Карта царя Алексея

© Дмитриев Н. Н., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Посвящается моему сыну Алексею

Ближе к вечеру в зимний январский день 1667 года перед закрытой по позднему времени рогаткой Москворецкой заставы, зло всхрапнув, остановился резко осажённый коренник первой тройки. На крыльцо караульной избы вышел стрелецкий десятник, окинул взглядом припозднившийся обоз и, неспешно подойдя к облучку головных розвальней, сипловато спросил:

– Кто такие?.. Откуда?

Медвежья полость тут же откинулась, седок какое-то время рассматривал десятника, а потом, явно радуясь окончанию пути, блеснул из-под густо заиндевевшей бороды белозубой улыбкой и весело отозвался:

– Сын боярский Давыдка Бурцев от воеводы Годунова из Тобольска.

Поняв, что на этот раз поживиться не придётся, десятник мотнул головой и наказал карaulьному:

– Открывай!

Рогатку поспешно убрали, и шедшие цугом тройки одна за другой выехали на засыпанную снегом бревенчатую мостовую. На посадке бурцевские сани сразу оторвались от обоза и, попетляв московскими закоулками, остановилась у Разрядного приказа. Сын боярский поспешно выбрался из розвальней, самолично вытащил большой короб и, держа его обеими руками, прошёл за ворота.

В приказе царил непонятная суета, но доставленный из Сибири короб был принят незамедлительно и приказной дьяк со всем тщанием записал:

«Сего года генваря в 3-й день тобольским сыном боярским Давыдкой Бурцевым доставлен Большой Чертёж¹ с «Росписью»», – и засвидетельствовал своей подписью прибытие столь важных бумаг.

Большой Чертёж и пояснительную Роспись² к нему, сделанные по царскому указу стольником Годуновым и представлявшие собой не что иное, как самую полную на то время карту Сибири, «взнёс» к великому государю окольничий Родион Матвеевич Стрешнёв.

Царь Алексей Михайлович имел обыкновение вставать рано утром, молился и обязательно поклонялся иконе того святого, чья память отмечалась в этот день. Потом государь шёл в Думу и до обедни заседал с боярами. После обедни царь выслушивал доклады бояр и приказных людей. Конечно, Стрешнёв хорошо знал этот распорядок, но, сознавая всю важность полученных из Сибири сведений, испросил разрешения прибыть особо. Он даже несколько припозднился, и потому, когда возок окольничего остановился на царском подворье, слюдяные окна хоромин уже желтовато светились.

¹ «Большой Чертёж Сибирской земле» – в лето 1667 г. по указу великого государя в Тобольске учинён географством стольника Годунова чертёж Тобольску и окрестным сибирским градам, землям и селениям.

² «Роспись против чертежу Сибирской земле» – неперенное текстовое приложение к картам той поры, которое дополняло и расшифровывало географическое изображение, составляя вместе с ним единый документ.

Входя во дворец, окольный, доставивший столь важные бумаги, волновался. Он знал про особый интерес царя к этому делу и очень боялся попасть впросак, ежели любознательный Алексей Михайлович начнёт выпытывать подробности. Стрешнёв хорошо помнил, как долго и подробно царь расспрашивал вернувшегося из Сибири Дежнёва и теперь ждал чего-то похожего.

Но всё сложилось на удивление удачно. Едва завидев входящего в палату окольного, царь, сидевший у стола в кресле польской работы, поднялся, сделал пару шагов навстречу и нетерпеливо спросил:

– Ну, говори, с чем пришёл?

– Воевода Тобольский стольник Годунов исполнил наказ, государь, – с низким поклоном доложил окольный.

Какое-то время царь рассматривал бумаги, которые Стрешнёв держал в руках, а потом сделал нетерпеливый жест.

– Показывай!

Окольный прошёл вперёд, развернул на столе принесённый свиток, а рядом выложил толстую книгу «Росписи».

– Вот, государь, изволь сам посмотреть...

Царь подошёл к столу, и тогда Стрешнёв торжественно произнёс:

– Сие, государь, есть Большой Чертёж с клеймами³ и приложенной к нему Росписью, сиречь первое изображение истинных пределов российских.

Кинув взгляд на развёрнутый свиток. Алексей Михайлович взял в руки Роспись и, листая страницы, отдельные места начал читать вслух:

– ...«От Якуцкого острогу по Лене вниз до моря ходу три недели... От Тобольска вниз по реке Иртыше до Самаровского яму дощаником ходу две недели... Где меж слобод Тобольского и Верхотковского уезда построить какие крепости...»

Алексей Михайлович, явно заинтересовавшись упомянутыми крепостями, перестал читать, заглянул в карту и, увидев там разные значки, вопросительно посмотрел на окольного. Сразу сообразивший, в чём дело, Стрешнёв, пояснил:

– Там, государь, особые позначки сделаны. Здесь всё записано... – И, сам открыв первую страницу Росписи, прочитал: – «Азбука по чему знать города и остроги и волости и зимовья и кочевья...»

– А, вон оно что... – Царь бросил на окольного многозначительный взгляд и углубился в изучение карты.

В палате воцарилась тишина, и Стрешнёв облегчённо вздохнул. Окольный уловил в глазах царя неприкрытый радостный блеск, вспомнил, что на все возможные вопросы есть ответы в Росписи, и, только сейчас заметив, как тепло в царских покоях, явственно ощутил жар, идущий от муравленой печи...

* * *

По льду широкой заснеженной Двины, от замерзшей пристани до устья Лаи, тянулся хорошо накатанный зимник. Речку Лаю, приток Двины, с давних пор облюбовали корабельщики, и чем ближе подъезжали одноконные санки-бегунки, где, закутавшись в шубу, сидел архангелогородский купчина Фрол Михайлов, тем чётче на речном берегу вырисовывались полусоборные корпуса строившихся здесь кочей, ялов и шняв.

³ Пояснения в рамках на полях карты.

Коч⁴, заказанный Фролом, стоял в этом ряду третьим. Купец придержал лошадь рядом с уже почти готовым корабликом, вылез из саней и огляделся. Чуть в стороне работные жгли деревянный мусор и грелись возле костра. Завидев купчину, они издали поклонились, а старшина артели, тоже бывший с ними, подскочил к санкам и почтительно заломал шапку:

– По здорову ли, Фрол Матвейч?

– Благодарствую, – ответил купчина и кивнул на высившийся рядом дощаной борт. – Как дело?

– Хорошо, – заверил купца артельщик и показал на приткнутую к борту лесенку. – Не угодно ли посмотреть?

Фрол мельком глянул на кренки коча – небольшие выступы по сторонам невысокого киля, улучшавшие остойчивость на воде и державшие равновесие при одолении волока. Похоже, они прочно упирались в стапель, и купец, неопределённо хмыкнув, стал подниматься на палубу.

Наверху купец обратил внимание на уже тщательно проконопаченные пазы и спрятал довольную улыбку в бороду. Признаться, он не ожидал, что нанятая им по случаю артель корабелов так споро управится с корпусом коча. Фрол хотел было сказать об этом вслух, но, заметив выжидательную позу поднявшегося следом артельщика, сказал:

– Ну, давай показывай, что где...

На свежевывскобленной палубе чётко выделялись три люка, и артельщик уверенно показал на кормовой:

– Тогда прошу сюда...

По почти вертикальному трапу они оба спустились в крошечную каюту, где артельщик, показывая устроенные у обоих бортов спальные места, счёл нужным заметить:

– Рундуки кормщика и подкормщика мы малость пошире сделали, так что, ежели сами пойдёте, то...

– Да нет, – отмахнулся Фрол, – в этот раз не пойду, – и, убедившись, что в кормовой каюте всё сделано как надо, полез наверх.

Осмотром грузового трюма, расположенного по центру судёнышка, Фрол тоже остался доволен и напоследок спустился в носовой люк, который вёл в поварню, одновременно служившую кубриком для команды. Здесь, как и в кормовой каюте, вдоль борта вытянулись объёмистые рундуки, посередине уже был стол и даже печь, предназначенная для тепла и готовки, стояла на месте.

Внутри работы были закончены, и Фрол, похвалив артельщика, вылез наружу. Там он ещё раз осмотрел палубу, отметил про себя, что времени для установки рангоута хватит и пора подумать о снаряжении коча, отправлявшегося в первое плавание.

На обратном пути Фрол прикидывал, как ему лучше распорядиться новым кочем. Два его корабля зимовали на Груманте⁵, и по всему выходило, что новый коч вполне можно снарядить «встречь солнца»⁶. Под такие размышления Фрол возвратился в город и, вспомнив, что воевода настоятельно приглашал зайти, решительно повернул в сторону воеводского двора.

Придя на съезжую, чтобы узнать, где хозяин, Фрол неожиданно увидел там воеводу. Он был один, и купчина, сразу же сдёрнув шапку, поклонился.

– Почто кликал?

Стоявший у окна воевода обернулся и, хотя никого из приказных рядом не было, зачем-то снизив голос, сказал:

– Дело неотложное есть, Фрол Матвейч.

⁴ Поморское судно.

⁵ Шпицберген.

⁶ На восток.

Услыхав такое, купчина вздрогнул. Его, нечиновного и худородного, царский воевода назвал по отчеству, а это много стоило. От неожиданности Фрол даже вспотел и расстегнул шубу. Заметив его растерянность и особо отметив купеческие пальцы, нервно теребившие застёжки, воевода усмехнулся:

– Да ты садись, Фрол Матвейч, в ногах правды нет, – и воевода широким жестом показал купцу на обитую аксамитом⁷ лавку.

Зардевшись от оказанной чести, совсем ошалевший Фрол послушно сел, а воевода, явно давая ему успокоиться, выждал какое-то время и заговорил по сути:

– Я тут поспрошал кой-кого, говорят, ты купчина справный и дела твои идут хорошо что с нашими купчишками, что с иноземными. Оттого полагаю, знаешь ты много. И, само собой, людишки нужные у тебя где надо есть, или не так?

Взгляд воеводы упёрся в купца, в глазах у него заиграли весёлые бесики, и Фрол, поняв, куда тот клонит, заёрзал на месте.

– Да как сказать... Оно, конечно...

Выждав, пока купец малость оклемается, воевода продолжил:

– Ты не думай, я в твои дела вступать не буду. Опять же, ежели что, то и помочь могу, но и ты мне, Фрол Матвейч, помоги.

Догадавшись наконец, куда клонит воевода, купец хитровато прищурился:

– Это чем же я помочь-то могу?

– Чем? – Воевода многозначительно помолчал. – А вот чем. Как я понимаю, в Иноземном дворе кой-кто у тебя имеется. Или не так?

Начиная помалу соображать, что к чему, купец прямо спросил:

– Аль узнать чего надо?

– Ой, как надо... – И в первый раз за время разговора воевода улыбнулся.

– Так скажи, сделаем, – теперь купец успокоился и говорил уверенно.

– Да нет, малость не так. – Воевода покачал головой. – Ты, Фрол Матвейч, меня со своим человечком, какой потолковее, сведи, а там далее я уж сам...

Отказываться от такого предложения было просто глупо, и уже всё прикинувший Фрол только молча кивнул...

* * *

Ясачный тунгус Савоська, до этого резво бежавший рядом, вскочил на нарты и взмахнул хореом. Взмах этот не имел цели, потому что на лесной тропе веерная упряжка не годилась, и сейчас все собаки охотника бежали цугом, дружно налегая в алыки длинного потяга.

Вообще-то, тунгуса звали не Савоська, но когда он две зимы тому, первый раз заехав в большое становище лочей⁸, остановился у съезжей избы, какой-то здоровенный рыжебородый мужик, показывая на подъехавшего охотника, громко крикнул:

– Робя! Гляди, какой ладный Савоська!

С того дня все лоча стали звать тунгуса Савоськой, да он и сам вскоре привык к этому имени, втайне гордясь, что его сразу выделили из толпы соплеменников. К тому же прямо тогда рыжебородый здоровяк, подойдя к охотнику, по-приятельски похлопал его по плечу и, называя другом, пригласил к себе...

⁷ Бархатом.

⁸ Русских людей.

Впереди за кромкой леса показался крутой речной берег, вдоль которого высились массивные стены с башнями, и вожак упряжки без команды прибавил ходу. Собаки, почуявшие жильё, в ожидании кормёжки побежали шибче, и Савоська на всякий случай взялся за остол⁹.

Впрочем, тормозить не пришлось. Упряжка с ходу одолела скованную льдом реку, поднялась на косогор и остановилась только возле высокой стрельчатой башни. Въездные ворота были открыты настежь, и хотя возле них днём торчали караульные, останавливать Савоську они не стали, а беспрепятственно пропустили заезжего таёжника в город.

Охотник, уже не раз бывавший тут, хорошо знал, куда ехать, и потому напрямик отправился к детинцу, где были воеводский двор, съезжая изба, церковь, а также хозяйственные постройки, среди которых стоял и амбар из кондовых брёвен, где принимали и хранили собранный ясак.

Савоська заехал в детинец, остановил упряжку, вбил на всякий случай остол покрепче в снег, какое-то время восхищённо смотрел на окружавшие его строения и, только всласть налюбовавшись, не спеша пошёл к широкой, обитой железными пластинами двери.

Замерев у порога, он подождал, а потом заглянул внутрь и негромко позвал:

– Эй...

– Ктой-то там?.. – донеслось из дальнего конца амбара, и навстречу Савоське вышел мужик-приказной, ведавший сбором ясака.

Этот лоча, распорядившись в пушном амбаре, узнал охотника и встретил Савоську как старого знакомого:

– А-а-а, это ты, – и, приветственно помахав рукой, спросил: – Ну, сколько хвостов¹⁰ привёз?

– Многа, многа... – заулыбался Савоська и похлопал рукой тугой кожаный мешок, привязанный к нартам.

– Тогда доставай. Считать будем, и с каждого десятка, значит, лучший соболь.

– Не надо доставать, – заулыбался охотник. – Оно не так делать...

Савоська вытащил мешочек, высыпал перед лочей кучку гладеньких камешков и, хитро сощурившись, пояснил:

– Савоська соболя в мешок класть, один камешек сюда, – он показал на кучку.

Лоча оценивающе посмотрел на охотника, а потом неожиданно рассмеялся:

– Ну, хитрован какой... – и зная, что тунгус не обманывает, кивнул: – Ладно, давай так считать.

Он разровнял кучку выложенных Савоськой камешков, пересчитал и, отложив ровно девять, сказал охотнику:

– Столько хвостов давай...

– Так, так, давать... – Савоська согласно закивал головой и достал из висевшей на боку сумки ровно девять шкурок. – Это ясак...

– Ты смотри, выходит, считать научился, – удивлённо покачал головой лоча и многозначительно поднял вверх палец. – Однако ещё один хвост надо...

– Так, так, надо, – согласился усвоивший порядок Савоська, вытянул из-за пазухи припрятанную там шкурку и показал лоче. – Такой соболь хорош?

Лоча взял шкурку, встряхнул, полюбовался на серебристый мех, глянул, какая мездра, и удовлетворённо кивнул.

– Вот теперь всё правильно...

Сдав ясак, Савоська выдернул остол, присел на нарты и потихоньку поехал из детинца на посад. Здесь, среди пары сотен домов охотник ориентировался плоховато и сначала плутал

⁹ Кол для торможения.

¹⁰ Соболиных шкурок.

возле гостиного двора, таможни и промеж добротных купеческих домов, прежде чем выбрался в ремесленную часть, где были кузни, мастерские и жил всякий городской люд.

Возле ладной избы, из волоковых оконцев которой шёл дым, Савоська, узнав место, остановился. Здесь жил его друг, тот самый рыжебородый мужик, который ещё по первому приезду в город наградил охотника новым именем, и с того времени Савоська непременно заезжал к нему.

Они как-то сразу поладили меж собой, и лоча по-дружески помогал Савоське сбывать пушнину и даже покупал для него всё, что нужно в немудрящем охотничьем хозяйстве. К тому же в этом доме Савоську всегда ждали угощение и тёплый приём.

Вот и сейчас, вероятно, заметив остановившиеся у крыльца нарты, хозяин вышел на крыльцо и прямо со ступенек приветствовал охотника:

– О-о-о, друг Савоська приехал! Заходи, у нас как раз шаньги успели, – и отступил в сторону, подчёркнуто давая желанному гостю дорогу.

Уже через какой-то час охотник, управившись с необычайно вкусными шаньгами, грыз ядрёными зубами желтоватый кусок сладкого камня-сахара, запивая его дивной коричневой водой-чаем, и наслаждался. Конечно, он понимал, что все добытые им шкурки останутся тут, в городе, но соболей и в тайге полным-полно, а здесь у лочей было столько всего, что каждый раз по приезду у Савоськи просто глаза разбегались, наполняя его неискущённую душу радостью...

* * *

Несмотря на мороз, московский люд с самого утра высыпал на улицы и собирался возле Кремля. В этой толпе, стараясь держаться понезаметнее, были и двое иностранцев – уже давненько проживавший здесь Гуго Мансфельд и с ним его новый напарник, всего месяц назад приехавший в Московию Петер Вальд.

Не понимая толком, что происходит, Вальд спросил зачем-то притаившего его сюда Мансфельда:

– Скажи, почему такая толкучка?

– Сейчас сам увидишь, – коротко отозвался спутник, так ничего и не пояснив.

И точно, почти сразу у Спасской башни послышался нарастающий шум, потом на площадь выехали два всадника, и гром литавр возвестил о начале действия. Бесцеремонно толкаясь локтями, оба иноземца протиснулись в первые ряды и увидели, что из ворот выходят стремянные стрельцы¹¹.

Они шли строем, длинной колонной, по пять человек в ряд. Каждый на правом плече нёс пищаль, держа в левой руке бердыш. Все как один одетые в красные кафтаны с белыми петлицами. В шапках, украшенных оторочкой из лисьего меха, с пулечной сумкой на поясе и белыми берендейками через плечо для «зарядцев с кровельцами»¹².

– Куда это они идут?.. Их же не одна сотня... – обеспокоенно спросил у напарника Петер Вальд.

– Смотр у них, ежегодный... – неотрывно следя за стрельцами, быстро пояснил Мансфельд.

– Какой ещё смотр? – не понял Вальд.

– Из пищалей и пушек стрелять будут, – начал было растолковывать Мансфельд, но, увидев, что стрельцы прошли, отмахнулся: – Смотри давай...

¹¹ Охрана царя.

¹² Ремень, к которому подвешивались готовые заряды.

Вслед за стрелецким строем по три человека в ряд ехали разодетые в парчовые одежды бояре, а прямо за ними на белом жеребце и сам царь в красной шапке, унизанной жемчугом и дорогими самоцветами. Народ радостно зашумел, в передних рядах стали валиться на колени, и оба иноземца на всякий случай тут же отступили в глубь толпы.

За государем проехала свита, и уже после из ворот одну за другой пушкари стали вывозить пушки. Сначала провезли мелкие, потом побольше, и стало ясно, что смотр будет не только стрельцам, но и наряду¹³. Самыми последними вывезли два огромных орудия, каждое из которых тянул добрый десяток лошадей, запряжённых цугом. Увидев их, Вальд от удивления закрутил головой.

– Ты посмотри, Гуго, какие монстры!

– Ага, – согласился Мансфельд и охотно пояснил: – Это Лев и Медведь. Самые большие пушки Московии. Ещё в Кремле есть Царь-пушка, преогромная, но только её из Кремля никогда не вывозят. Говорят, она там ворота охраняет...

Вальд проводил внимательным взглядом проехавшее мимо орудие и посмотрел на Мансфельда.

– Я слышал, будто у московитов и многоствольные пушки есть...

– Конечно, только их московиты «сороками» называют. Одна даже стовольная. В воротах Китай-города стоит, – подтвердил Гуго и добавил: – Это ещё что, у них нарезные да казнозарядные пищали имеются. Одну такую пищаль со стволом длиной больше сажени московиты «три аспида» называют.

– Ты смотри, умельцы какие... – изумился Вальд и быстро спросил: – А на этом смотре их тоже покажут?

– Вряд ли, – покачал головой Мансфельд. – Видишь, это полевые и осадные пушки везут, а «сороки» – те все крепостные. Они да пищали затынные почитай в каждом гарнизоне есть...

Петер Вальд хотел было что-то сказать, но, увидев, как Мансфельд закрутил головой, быстро спросил:

– Ты чего?

– Пушкари... – Мансфельд показал на обслугу, шагавшую за нарядом.

– Что, пушкари? – не понял Вальд.

– Видишь, одеты все теперь одинаково. Раньше такого не было, – ответил Мансфельд.

Петер Вальд присмотрелся. Пушкари тоже, как стрельцы, были одеты в высокие красные шапки и красные же кафтаны, но уже не с белыми, а с синими петлицами.

– Значит, и это тоже... – негромко, вроде как для себя, произнёс Мансфельд, и Вальд тут же поинтересовался:

– О чём это ты?

– А о том, – Мансфельд повернулся к Петеру. – Я прознал, что для пушкарей ввели ежегодное жалованье в два рубля с гривною, одарили каждого штукой сукна и дают ежемесячный паёк в осьмину¹⁴ муки. А теперь ещё и одели...

– Не иначе как наряд больше будет, – заключил Вальд.

– И я так думаю, – согласился Мансфельд и, увидев, что московиты куда-то идут, подтолкнул напарника. – Пошли, дальше смотреть будем...

Толпа народу, в которой как-то затерялись оба иностранца, повалила вслед за царём, и вскоре они все вышли на открытое поле. Здесь загодя были выстроены деревянные срубы, набитые землёй, а чуть в стороне рядком тянулись огромные, то ли привезённые сюда, то ли намороженные прямо здесь, ледяные глыбы.

¹³ Артиллерии.

¹⁴ Килограмм.

Шагах в восемьдесят от мишеней были устроены невысокие подмости, на которые уже поднялись пищальники. По команде они открыли частый огонь, и облако порохового дыма начало низко стлаться, как туман на болоте. Однако это не помешало стрельбе, и от удара пуль лёд быстро крошился.

Когда глыбы были разбиты, наступил черёд пушкарей. Сначала огонь открыли самые маленькие пушки. Постепенно в дело вступали орудия всё больших и больших калибров, пока наконец не проревели Лев и Медведь. Трижды перезаряжались пушки, и трижды гремели выстрелы по всей линии.

В конце стрельбы прочные срубы сравнялись с землёй, народ радостно загудел, а неотступно следившие за всем этим иностранцы переглянулись.

– Да, – сокрушённо вздохнул Мансфельд, – надо признать, наряд московитов силён.

– Признаться, эти пушки закрывают нам дорогу в Персию, Китай, Индию... – негромко, но со значением сказал Вальд.

– У них есть не только пушки, – заметил Мансфельд.

– Как раз это мне очень хотелось бы выяснить, – Петер Вальд выразительно посмотрел на напарника.

– Я помогу, – обнадёжил его Мансфельд, и оба иноземца начали выбираться из расходившейся толпы.

* * *

Воевода сидел на придвинутой к самому окну лавке и сквозь подслеповатое слюдяное оконце смотрел на реку. Там, где-то примерно на середине, чалая лошадёнка тащила по наезженной колее дровни, и воевода подумал, что ещё немного времени – и речной лёд вздуется, начнёт с гулом трескаться, и за пару дней течение вынесет его остатки далеко в море.

Какое-то время воевода следил за лошадёнкой. Но потом ему это надоело, и он поглядел в другую сторону. Впрочем, и этот вид, открывавшийся из окна, особо не радовал. Конечно, снежный покров скрывал грязь немощёной улицы, а там где обычно было грязнее всего, «на мхах», сейчас всё выглядело белым и чистым.

Вообще-то, сегодня воеводу малость нудило. Раскинувшаяся за окном снежная пустошь, странным образом давила, но воевода только вздохнул. Конечно, и здесь весна на подходе, но он знал, того буйства зелени, какое ему хотелось бы увидеть, тут, на суровом Севере, просто не бывает.

Он вдруг вспомнил Берестечко и как он уходил от преследования казачьей гатью, когда по всему болоту гремели выстрелы, раздавались крики преследователей, а там, где полякам удавалось настичь хотя бы группу повстанцев, немедленно вспыхивала жестокая сеча.

Задумавшись, воевода повернул голову, и ему на глаза опять попала чалая лошадёнка, словно напоминая, что те славные времена прошли, а сам он, стольник Фёдор Епанчин, бывший десятник казачьего войска Богдана Хмельницкого, теперь по царскому указу всем заправляет здесь.

Громкий шум в сенях заставил воеводу оторваться от созерцания речного льда и посмотреть на входную дверь. За ней кто-то возился. Потом её резко толкнули, и на пороге возникла весьма внушительная фигура.

– Отчего с таким грохотом... – раздражённо начал было воевода, но тут же оборвал себя на полуслове.

Вместо ожидаемого конфидента в палату ввалился монастырский келарь отец Паисий и, не обратив внимания на то, что хозяин хмурится, сразу заявил:

– К тебе я, воевода, к тебе, дело неотложное...

– Какое такое дело? – воевода сердито воззрился на келаря.

– Знаю я, на Немецком дворе непотребство и бесовщина всякая... – Не ожидая приглашения, келарь уселся на лавку и расправил пятернёй бороду.

– Тебе-то откуда известно стало? – вздохнул воевода.

– Все знают, монахи – и те в трапезной болтать начали...

– Да ты что это? Хочешь, чтоб я на Немецкий двор пошёл порядки устанавливать? – Воевода грозно возвысил голос. – Да они по царскому указу...

– Упаси бог, упаси бог, – замахал руками келарь. – Ведомо нам стало, что купец архангельский Ивашко Евдокимов дом свой на иноземный лад наладил, а теперь ещё капитаны аглицкие да голанские ходить к нему начали, и он, купчишка этот, их бесовскими утехами радует. Опять же, вроде как девок непотребных у себя держит, и они ему по вечерам на цимбалах всяких играют и поют нецерковное.

– Ну так бы и говорил сразу, а с купцом этим я разберусь, – сердито выговорил келарю воевода и махнул рукой. – Ступай, у меня тут и без тебя дел хватает!

Когда отец Паисий ушёл, воевода снова повернулся к окну, но теперь его мысли неотступно вертелись вокруг того, что сказал келарь. Признаться, воевода уже слышал о новых порядках, какие, насмотревшись на иноземцев, начали помалу заводить кое-кто из купцов, но он сам, побывав на Украине, видел многое и зазорным такое не считал.

Решая как поступить, воевода не сразу обратил внимание, на то, что в дверь кто-то осторожно скребётся.

– Эй, кто там, входи! – крикнул Епанчин, и в дверь боком-боком пролез низко кланяющийся невзрачный человечек.

Уже догадавшись, что это и есть ожидаемый конфидент, воевода усмехнулся:

– Ну, а ты кто таков будешь?

– Никишка Яковлев буду, ваша милость. На Иноземном дворе служитель, – негромко ответил человечек и снова низко поклонился.

– Так это ты Фрола Михайлова человек? – приглядываясь к будущему конфиденту, уточнил воевода.

– Я, ваша милость, – человечек кивнул.

– Тогда садись. – воевода милостиво показал на лавку, где только что сидел отец Паисий.

– Благодарствую, – не ожидавший такой ласки человечек ещё раз поклонился уже чуть ли не в пояс и как-то боком присел на самый краешек.

Довольно долго воевода изучающе смотрел на новоявленного конфидента и только потом спросил:

– Так, значит, ты на Немецком дворе служишь?

– Так, ваша милость, – подтвердил тот.

– Тогда скажи мне, а ты всех иноземцев, кто туда прибывает или, скажем, живёт постоянно, знаешь?

– Ясное дело, ваша милость, – деловито доложил Яковлев. – Кто чем торгует, кто с кем знается, кто над всеми купцами старший и всё такое.

– И мне рассказать сможешь? – Воевода сощурился.

– Знамо могу, – заметно другим тоном, гораздо увереннее, ответил Никишка.

Это не укрылось от воеводы, и он, доверительно снизив голос, сказал:

– Ты вот что. Разузнай-ка, что какому купцу надобно.

– В точности вряд ли выйдет, они ж со мной про свои дела речей не ведут, – покачал головой конфидент. – Но ежели что краем уха услышу, передам.

Ответ конфидента понравился воеводе. Было ясно: этот доверенный человек Фрола слов на ветер не бросает, а его внешняя услужливость – не иначе как ловкое притворство. И тогда, почувствовав к нему внезапное доверие, воевода попросил:

– Для начала попытайся узнать, что там в доме купца Евдокимова, у кого иноземцы бывают, делается.

– Узнаю, – твёрдо пообещал Яковлев, и довольный воевода отпустил своего тайного гостя...

* * *

Ясачный приказный Евсей Носков запер пушной амбар на висячий замок, наказал караульному стрельцу беречь собранную мягкую рухлядь пуще глаза и вышел за ворота. Он уже было собрался отправиться восвояси, но, вспомнив, что с утра на воеводском дворе был лай, заглянул в съезжую.

Там, не в пример насквозь промёрзшему амбару, было тепло, и Евсей, решив погреться, сел на лавку. Отчего-то никого из приказных на месте не было, только старший учётчик, разложив поближе к окну свои записи, что-то там вычитывал, беззвучно шевеля губами.

Малость угревшись, Евсей выждал момент, когда учётчик перестанет шептать про себя, и спросил:

– Чего там с утра сегодня было?

– С утра?.. – Учётчик оторвался от дела, глянул на Евсея и, сообразив, о чём речь, пояснил: – Так это ты и сам должен был знать.

– Чего это вдруг? – Евсей завозился на своей лавке.

– Так к тебе же ясак везут, мог бы и заметить.

Евсей сразу же припомнил шкурку, вручённую ему Савоськой вкуче с другими хвостами, которые он неизменно требовал с ясачных, и, пряча беспокойство, поинтересовался:

– Чего это такое я должен был заметить?

– А то, что соболей поменьшало. – Учётчик кинул быстрый взгляд на Евсея и снова уткнулся в свои записи.

– Рази поменьшало? Амбар вон завсегда полный... – Евсей изобразил удивление. – Ясак как везли, так и везут.

– Ясное дело, везут, – согласился учётчик. – Только в прошлый год, по сравнению с нынешним, больше было, а про позапрошлый и говорить нечего...

– Вон оно что... – Евсей облегчённо вздохнул и вроде как посочувствовал: – Оно конечно...

Теперь, уяснив, что утренний лай его вроде особо не касался, Евсей, малость успокоившись, подождал немного и осторожно спросил:

– Лаялись, лаялись, а чем закончили?

– Если б то закончили. – Учётчик оторвался от своих записей и вздохнул. – Воевода наш слезницу государю послать собрался, мол, соболев в тайге кончается, так нельзя ли смилостивиться ясак понизить.

– А ну как к весне у нас недобор выйдет? – испугался Евсей. – Тогда что?

– Всяко может быть... – уклончиво сказал учётчик, после чего снова уткнулся в свои бумаги, и Евсею не осталось ничего другого, как выйти вон.

Торопливо убравшись с воеводского двора, Евсей пошёл было вкруговую, но потом ноги сами понесли его в конец улицы, где жил его давний приятель по городской росписи затынщик¹⁵ Томило Пушник. Евсей так спешил, что даже запыхался и рядом с избой Пушника остановился для малой передышки.

Собираясь с мыслями, Евсей как-то по-новому глянул на жильё Томилы. Большая изба в два окна на улицу отличалась от других строений тем, что под высокой шатровой крышей

¹⁵ Воин с затынкой пищалью, обороняющий участок городской стены.

была устроена светёлка со своим, уже третьим, окошком. Да и ворота, что вели за бревенчатый заплот во внутренний двор, украшали два резных столба с опять же резной перекладиной сверху.

Отдышавшись, Евсей повернул железное кольцо, открывавшее щеколду, зашёл во двор и увидел на крыльце вышедшего ему навстречу Томило. Рыжебородый Томило, друг тунгуса Савоськи, сразу обратил внимание на встрёпанный вид Евсея и в миг озаботился:

– Ты чего прирёг?

– Надо, значит... – сердито обрезал Евсей и, поднявшись на пару ступенек, в упор посмотрел на Томило. – Скажи, тунгус Савоська у тебя был?

– Знамо дело, был, – пожал плечами Томило.

Надо сказать, что приятели совместно прокручивали то одно, то другое дельце с мягкой рухлядью, и сейчас Томило никак не мог взять в толк, отчего так всполошился Евсей. А тот, ничего не объясняя, продолжал выспрашивать:

– Сколько хвостов оставил?

– Девяносто, как всегда, всё, что у его было. – Наконец-то сообразив, что что-то не так, Томило забеспокоился: – Аль случилось чего?

– Пока ничего, но может... – вздохнул Евсей.

– Так ты, того, давай заходи, – засуетился Томило, настежь открывая дверь.

– Погодь... – остановил его Евсей. – Здесь скажу, с глазу на глаз. Понимаешь, с ясаком вроде как недобор выйдет.

– Ну и что? – усмехнулся Томило. – Пускай воевода из своих доходов добавит, наворовал, чай, изрядно.

– Не, не то, – покачал головой Евсей. – Тут такое дело, государю он отписал про это, а раз так, значит, недобор на всех разложить могут с кого сколько, а у тебя изба вон справная, уразумел?

– Уразумел... – Томило только теперь сообразил что к чему...

– Вот и ломай голову, как быть, – вздохнул Евсей.

– Да оно верно, обмозговать надо... – растерянно протянул Томило и рукой показал приятелю, чтоб заходил...

* * *

Рабочий кабинет царя Алексея Михайловича был невелик. Парные окна, возле которых стоял фигурный стол с загодя разложенным там Большим Чертежом, давали достаточно света, и нужды зажигать свечи не было. Вдобавок стены не покрывала роспись, и лишь вокруг оконных полукружий шёл яркий орнамент, в то время как сводчатый потолок был просто чисто выбелен.

Напротив окон, у стены, высилась зеленоватая трёхступенчатая изразцовая печь, а чуть в стороне от неё, прямо на полу стоял большой медный глобус английской работы, искусно вделанный в деревянную круговую подставку, позволявшую по мере надобности свободно вращать его.

Царь неслышно прохаживался по полу, сплошь затянутому толстым красным сукном, время от времени задерживаясь возле печи, чтобы получше рассмотреть изразцы с грозными львами на каждом, и ждал. Должны были быть особо доверенные из верхних. Они, как и полагалось, пришли все разом.

Теперь в кабинете кроме царя были его верный постельничий Фёдор Ртищев¹⁶, новый глава Посольского приказа Ордын-Нащокин¹⁷, только что заключивший Андрусовское пере-

¹⁶ Ртищев Ф. М. (1625–1673) – постельничий, который мог оказывать на царя большое влияние, был миротворцем при

мирие¹⁸ с Польшей и пожалованный за это боярством, а также Родион Стрешнёв, внесший недавно во дворец Большой Чертёж.

Когда после чинных поклонов и приветствий вошедшие, выжидательно глядя на царя, умолкли, Алексей Михайлович прошёлся из угла в угол, потом остановился у стола, где лежала развёрнутая карта, и, подозвав всех, сказал:

– Вот смотрите, это старанием Годунова со товарищи исполнен и доставлен нам Большой Чертёж государства нашего, дабы все пределы его, пути и города можно было зримо представить.

Стрешнёв, неоднократно видевший карту, остался на месте, а Ртищев и Ордын-Нащокин подошли ближе. Какое-то время они молча рассматривали испещрённый пометками лист, а потом Ртищев (хотя и он видел карту раньше) восхитился:

– Вот оно какое, государство Российское!

Ордын-Нащокин, взглядевшись, в тон ему добавил:

– Да, это уже не прежняя Московия...

Все уже как-то по-новому взглянули на хитросплетение речных линий, россыпь значков, обозначавших города, на пояснительные клейма по сторонам, и после паузы опять-таки Ртищев заметил:

– Пути торговые теперь все уяснить можно...

– И каким же, по-твоему, главным быть? – поинтересовался царь.

– Прежде всего, разумеется, Персия, – подумав, ответил Ртищев. – Вон богатые купцы армянские, поскольку владетель ихний, шах Аббас, им не препятствует, просят дозволения государя возить шёлк не через магометанскую Турцию, а через единовенную Москву.

– Опять же тракт Сибирский посчитать бы не мешало, – глядя на карту, раздумчиво сказал Ордын-Нащокин. – Поскольку оттуда, чтоб казну пополнить, сюда мягкая рухлядь идёт, за которой иноземцы к нам ездят...

Выслушав их, царь на время отвлёкся от карты, подошёл к стоявшему в стороне глобусу, покрутил его так, чтоб стала видна помеченная на нём Сибирь, и явно со значением произнёс:

– Ежели на сие изделие поглядеть да вдобавок умом раскинуть, то нет нигде иных держав, равных нашему царству...

Все помолчали, обдумывая сказанное государем. А потом молчавший до сих пор Стрешнёв удивлённо охнул:

– Выходит, теперь мы первые, государь?

– Это ещё утвердить надо. – Царь снова покрутил глобус.

– Сие через торговлю успешную подтвердить можно... – начал было Ордын-Нащокин, но царь перебил его:

– Для торговли морской выход иметь надо. В Архангельске вон одни иноземцы имеют выгоду, да опять же и далековато это...

– Так вроде же с герцогством Курляндским договориться хотели давеча. Чтоб, значит, наши корабли торговые в Риге или ещё где держать свободно, – негромко напомнил Стрешнёв.

– Не то это, не то! – с жаром возразил Ртищев. – Вон после Андрусова часть Украины наша, значит, через Дикое поле к тёплым морям идти надо. Опять же турок с татарами крымскими всенепременно теснить надобно.

– Так, – царь очень уж внимательно и даже вроде ласково посмотрел на Ордын-Нащокина. – Ну а ты что скажешь?

дворе и всегда шёл навстречу обновительной деятельности. Для престарелых Ртищев содержал за свой счёт богадельню.

¹⁷ Ордын-Нащокин А. Л. (1605–1680). За заключение Андрусовского перемирия жалован в бояре и назначен главой Посольского приказа. Создатель Новоторгового устава, регламентировавшего торговлю с иностранцами.

¹⁸ Андрусовское перемирие (1667 г.). После четырёх лет переговоров заключён договор между Россией и Речью Посполитой, завершивший Украинскую войну, в результате которой Польша отказалась от Левобережной Украины.

– Оно всё так, – согласился с царём боярин, но сразу осторожно добавил: – Я вот прожект один имею.

– Это какой же? – заинтересовался царь.

– Иноземцы, вон, раз за разом просят дозволить товар ихний через Московию везти, только нам от того выгода малая, а вот ежели разрешить им только у границ торговать, чтоб дальше товар уже наши купцы везли, думаю, немалая выгода-то и им, и державе прибыль будет...

– Да о богатстве государства нашего печься надобно, – согласился царь и задумчиво покрутил глобус...

* * *

Воеводу простудно трясло. Где его угораздило подхватить такую сильную горячку, Епанчин не знал. Разве что, когда наемни, он, разгорячённый квасным паром, выскочил из жарко натопленной баньки и плюхнулся прямо в ближайший сугроб. Однако Епанчин проделывал такое не единожды, и от этих выходов прежде только сильнее играла кровь.

Правда, сейчас воеводе было уже за тридцать, начали побаливать старые раны, и, вероятно, пришло время сиганье из парной в сугроб прекратить. Впрочем, такие мысли выздоровлению не способствовали, и воевода всё сильнее кутался в медвежью шубу и жался поближе к полыхавшему в камине огню.

В какой-то момент он придвинулся слишком близко, и внезапно вырвавшийся из устья язык пламени заставил воеводу дёрнуться. Епанчин поёжился и сердито поглядел на дверь, совсем недавно закрывшуюся за аглицким лекарем, нежданно-негаданно заявившимся к нему с Немецкого подворья.

Как иноземцы прознали про его болезнь, воевода не мог взять в толк, но гнать лекаря не стал. Он даже покорно выпил предложенное тем на удивление духовитое снадобье, а вот его совет лечь в постель и приложить к ногам горячие кирпичи Епанчин пропустил мимо ушей.

Высказав на прощание, что у досточтимого пациента скорее всего горячечная лихоманка, лекарь откланялся, а воевода, едва доброхот ушёл, кликнул служку и приказал немедля приготовить ему горячий малиновый отвар погуще, а как будет готов, тотчас нести.

Сейчас же, кутаясь в шубу и поглядывая на огонь, воевода ждал, когда же наконец нерадивый служка принесёт целебный напиток, от которого обязательно должно полегчать. Заморский бальзам, каким пользовал его лекарь, не вызвал у воеводы доверия, и, как оказалось, зря.

Епанчин и сам не заметил, как изматывавшая его дрожь мало-помалу утихла, воевода угрелся и даже стал малость клевать носом. В один из таких моментов внезапной сонливости ему вдруг привиделся палац в окружении цветников и что он сам подъезжает к нему верхом.

Цокот копыт был настолько явственным, что воевода вскинул голову и вдруг осознал, что это всего лишь осторожный, но настойчивый стук в дверь. Видимо, малину наконец-то приготовили, и воевода, уже заждавшийся целебного питья, сердито рявкнул, подгоняя нерадивого служку:

– Какого лешего колотишь? Тащи живей!

– Тащу, ваша милость, тащу... – тут же послышалось от двери, и на пороге, к вящему удивлению Епанчина, неслышно возник не ожидаемый служка, а нивесть откуда взявшийся конфидент.

От неожиданности воевода помотал головой и, только уяснив, что это ему не привиделось, вызверился:

– Никишка, я ж тебе строго наказывал, чтоб ты сюда ни ногой, а ты, вражий сын, как посмел?

Епанчин прямо кипел от злости, но конфидент, дождавшись, пока воевода выдохнется, уверенно возразил:

– Напрасно гневаетесь, ваша милость. Я наказ ваш сюда не являться завсегда помню и сполняю в точности.

– Так что же ты... – начал было воевода и закашлялся.

Выждав, пока кашель отпустит болящего, Никишка объяснил:

– Мне наказано в подарок вашей милости от Немецкого двора мальвазию принести, чтоб, значит, ваша милость скорей одужала.

– Мальвазию?.. Какую ещё мальвазию? – Епанчин не сразу сообразил, о чём речь, но потом недоверчиво сощурился: – А где же она?

Руки у Никишки и впрямь были пустыми, но он проворно отступил за порог и сразу вернулся, держа перед собой весьма вместительную, оплетённую для большей сохранности лыком, бутылку. Увидев её, воевода довольно улыбнулся, взял с каминной полки обливную кружку, выплеснул прямо на пол бывшие в ней остатки воды и, благожелательно усмехнувшись, приказал:

– Ну, наливай...

Никишка проворно подскочил и ловко наполнил подставленную кружку. Епанчин с наслаждением хлебнул вина и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Добрый глоток мальвазии подействовал умиротворяющее, и после продолжительной паузы воевода спросил:

– Ты мне, Никишка, скажи, с какого-такого дива купцы иноземные о моём здоровье печься начали?

– Ключики к вашей милости подобрать пробуют, – быстро, будто он заранее ждал такого вопроса, ответил Никишка и обстоятельно пояснил: – Тот, что допреж вас тут был, лихоимничал зело, утеснял иноземцев по-разному, а ежели что не так, государевым именем грозил совсем им сюда ход закрыть. Ну и само собой, брал опосля такой острастки по-крупному.

– Ну да, за что и выгнали, – плотней запахивая шубу, хмыкнул Епанчин.

– Истинно так, – с готовностью подтвердил Никишка и сообщил главное: – А ещё я, ваша милость, слыхал, что купцы промеж себя про вас говорили.

– И что? – насторожился Епанчин.

– Ваша милость про купца здешнего Ивана Евдокимова спрашивали? – вопросом на вопрос ответил Никишка.

Епанчин не забыл, что именно этого купчишку, заявившись на воеводский двор, поминал зловерный келарь, почём зря костеривший иноземные нравы, и сердито поторопил конфидента:

– Ты не меня спрашивай, дело говори...

– Так я и говорю, – поспешно заверил Епанчина Никишка. – У Евдокимова, значит, иноземцы в гостях бывают и задумка у них есть, чтоб и ваша милость туда заглянули, вроде по какой надобности, а уж они ублажить постараются...

– Ублажить, значит, хотя... – с усмешкой повторил воевода и милостиво кивнул конфиденту. – Ну, молодец, ступай...

Никишка благодарно поклонился, поставил бутылку с вином возле воеводского кресла и попятился к двери...

* * *

Сруб литейной мастерской, сложенный из кондовых брёвен в опасении возможного пожара, наполовину был вкопан в землю. Дым от плавильной печи серой пеленой висел под потолком, медленно уходя через волоковые оконца, а над широкой лавкой, на которой стояли

приготовленные к заливке формы, был растянут дерюжный полог, защищавший от сыпавшейся сверху мелкой золы.

В стене, рядом с лавкой, чтоб дать побольше света, имелось широкое, вчетверо больше обычного окно, и переплёт у него был не мелкий, как везде, а наоборот, насколько возможно, крупный, позволявший вставить туда нарочно подобранные широкие слюдяные пластины.

В большой плавильной печи, занимавшей почти треть клетки, весело гудело пламя, и хозяин мастерской, литейщик Якимко Городчиков, то и дело подбрасывал в топку древесный уголь. От того пламя поначалу чуть утихало, потом снова разгоралось, и тогда Якимко озабоченно приглядывался к тиглю, на глаз определяя, не пора ли начать очередную разливку.

Наконец, уловив едва заметное изменение цвета расплава, мастер решил, что греть довольно, и, ловко выхватив железными щипцами тигель из печи, начал сноровисто заливать формы. Едва сверху в литнике показывался раскалённый докрасна металл, Яким сноровисто переносил тигель к следующей форме и довольно быстро заполнил все.

Теперь следовало подождать, пока металл в формах застынет, и мастер, вернув пустой тигель на место, пока особой работы не было, решил сделать передышку. Он тщательно вытер руки и, особо не одеваясь, поскольку и так был в поддёвке, по забранным деревом земляным ступенькам вышел наружу.

От литейки Городчикова, стоявшей несколько обособленно на краю посада, чуть ли не весь город был хорошо виден. Четырёхстенный, пятибашенный, занявший наволоку¹⁹ у слияния двух рек, он высился над кручей, подмываемой Тазом, в то время как на низком берегу Мангазейки была устроена пристань.

Стояла тут Мангазея²⁰ седьмой десяток лет, и срубили её в береженье от частых набегов торговых, лихих и прочих охочих людей, которые «воровством на себя вимали дань с местной самоеди, а сказывали, что на государя». И теперь городские стрельцы во главе с воеводой следили, дабы северянам обид и тесноты не было, а весь ясак чтоб везли в казну.

Поначалу купцы добирались сюда морем и по рекам через Ямальский волок. Осенью у пристани собирались десятки кочей, и там шёл торг мягкой рухлядью. Однако иноземцы тоже прознали дорогу, и тогда царским указом морской ход в Мангазею закрыли, оставив только путь посуху, где таможня строго следила за провозом мягкой рухляди.

Якимко посмотрел на пустующую пристань, вздохнул и, обернувшись, чтоб идти назад в свою мастерскую, заметил, что, похоже, к нему кто-то спешит. Человек был одет не по-зимнему в опашень, и потому Якимко не сразу признал в нём обычно сидевшего на воеводском дворе хорошо известного ему сборщика ясака Евсея Носкова, который отчего-то заметно торопился.

– И куда так борзо? – усмешкой встретил своего старого знакомца мастер.

– К тебе, куда же ещё, – перевёл дух Евсей и пояснил: – Узнал, что ты сам тут, вот и поспешил, пока лишних ушей нет.

– Оно конечно, лишние уши ни к чему, – согласился с Евсеем Городчиков и, указывая на ступеньки, позвал: – Идём-ка в тепло.

Уже в литейке, стоя возле пышущей жаром печи и глядя на явно обеспокоенного приказного, мастер спросил:

– Ты чего всполошился?

– Есть отчего. – Евсей зло выругался и пояснил: – Воевода в Москву слезницу отправил. Отписал государю, что самоедь-де мало соболя возит, и не будет ли ему, воеводе, какого-никакого послабления.

¹⁹ Мыс.

²⁰ Мангазея – город на реке Таз. Основан в 1601 г. с целью упорядочить сбор ясака. Осенью из Архангельска прибывали кочи, и начинался меховой торг. В 1619 г., чтобы не допустить сюда иноземцев, царь морской путь запретил.

– Вон оно как... – Яким догадался, в чём дело, и, не удержавшись, поддел Евсея: – Боишься, чтоб воевода твой собственный амбар не обьясачил?

– Опасаюсь, – согласно кивнул Евсей и сокрушённо покачал головой. – Но всё равно, пускай хоть всю мягкую рухлядь из города выберет, толку не будет, соболя от прежних времён и впрямь поменьшало.

– Да-да, – посочувствовал Евсею Яким. – Ежели так будет, тебе с дружкой твоим, Томилой Пушником, туго придётся.

Евсей не обратил никакого внимания на то, что Яким осведомлен об его делах, и, продолжая гнуть своё, сердито заявил:

– Тебя оно тоже касает. – Евсей кивнул на лавку, где рядом стояли остывающие формы. – Кому поделки свои продавать будешь?

До Якима только теперь дошло, что оно вправду так может статься, и он растерянно посмотрел на Евсея:

– Так что же делать?

– Поначалу обсудить всё надобно, – уверенно заявил Евсей и уточнил: – Ты, как мне ведомо, с золотых дел мастерами знаешься. Скажи, старшой ихний, Третьяк Желвунцев, тебе хорошо знаком?

– Знамо дело, – заверил Евсея Яким. – Так что с того?

– А то, – принялся вразумлять тугодума Евсей. – Переговори с ним, а опосля соберёмся все разом и обмозгуем, как быть.

– Чего не переговорить? Это можно, – ответил Яким и, вспомнив про дело, начал подсыпать в печь уголь...

* * *

Вечер на Кокуе, отдельной Немецкой слободе Москвы, выдался тихим, и прогуливавшийся тут Петер Вальд с удовольствием посматривал по сторонам. Дома здесь никак не походили на почерневшие от времени бревенчатые избы москвитов, и светлая штукатурка их стен, прорезанная наискось оставленными снаружи балками, даже создавала особое настроение.

Во всяком случае, любой иноземец, живший в слободе, возвращаясь домой, мог представить себе, что сейчас он не здесь, в дикой Тартарии, а в милой сердцу Вестфалии или Тюрингии, где даже зимой заснеженные дорожки посыпаны жёлтым песочком, чтоб ноги пешеходов не скользили по наледи.

Недавно приехавший в Московию Петер Вальд чувствовал это особенно остро. Сейчас, ёжась от непривычного морозца, он шёл вдоль цепочки таких приятных домиков, глядел по сторонам и думал, как всё будет дальше. Ведь, как говорили жившие здесь подолгу иноземцы, в Сибири морозы ещё круче, а поскольку он был присланный сюда соглядатай, ему позарез требовалось разузнать, можно ли воспользоваться торговыми путями, проходящими через эти дикие земли.

Впрочем, размышляя о морозе, Вальд уходил от сути и намеренно обманывал сам себя. Конечно же, он знал, что вопрос о проходе через Московию в тот или иной край надо решать с боярами или даже с самим царём, но пока, пытаясь подступиться к делу, Петер напрасно ломал голову.

До дома, где обосновался Вальд, оставалось всего ничего, когда он услышал, что сзади его кто-то догоняет. Петер обернулся и с удивлением узнал идущего за ним следом своего знакомого Мансфельда. Вальд подождал, пока Гуго поравняется с ним, и, заметив, что тот спешит, спросил:

– Куда так торопимся?

– Домой, конечно, – Гуго приостановился и пояснил: – Ты вроде не знаешь, что москвиты нас сторонятся, а вечером, того и гляди, какой-никакой простолюдин и крикнуть может: «Кыш на Кокуй!»

– Они что, все так? – Вальд тоже остановился. – Или и другие есть?

– Это какие, чтоб нас не сторонились? – уточнил Гуго и сразу ответил: – Да сколько угодно. Только одни больше, другие меньше с нами знают, а есть и такие, что вообще б отсюда уехали.

– Неплохо, неплохо... – пробормотал Петер и принялся энергично тереть изрядно замерзшую щёку.

– Сам-то чего домой не идёшь, холодно же? – посочувствовал ему Мансфельд.

– К русским морозам загодя хочу привыкнуть, – отшутился Вальд.

– Что, никак в вояж какой собрался по Московии? – тоже, вроде как в шутку, предположил Мансфельд.

– С вояжем никак не выйдет, – сокрушённо вздохнул Вальд. – Царь москвитов по этому делу строг.

– Жаль, – тоже вздохнул Мансфельд. – Вояжи могли быть знатные...

– Да, – неожиданно вспомнил Вальд. – Прошлый раз, когда мы на смотре были, ты мне помочь обещал.

– Что, разве с вояжем? – удивился Гуго.

– Нет, конечно, – успокоил его Вальд. – Тогда мы говорили, что москвиты торговые пути перекрыли, но я для начала хотел бы выяснить точно, куда эти пути есть, что мешать может, ну и вообще...

– Тогда пошли, – подтолкнул Гуго приятеля. – А то стоя замёрзнем.

Какое-то время иноземцы шли молча, но потом Вальд не выдержал и снова напомнил Гуго его обещание:

– Так ты узнал что-нибудь?

– А что тут узнавать... – Гуго прикрыл обеими ладонями торчавшие из-под шляпы уши и, только подождав, пока они малость согреются, продолжил: – Основных путей, что нам интересны, всего три. В Персию, Индию и Китай. В Персию через Хвалынское море переправляться надо, и ещё, как я узнал, москвиты там вроде с армянами договариваются, в Индию можно посуху и, само собой, в Китай до Кяхты, откуда москвиты китайский чай сюда возят.

– Ясно... – Вальд немного подумал и потом уточнил: – Ну, как мне ведомо, в Индию проторенных дорог нет, с Персией тоже, видно, не выйдет, остаётся Китай или, если получится, про Сибирь разузнать побольше.

– Ну отчего только так? – неожиданно возразил ему Гуго. – У меня вон один ушлый подьячий в знакомцах ходит. Весьма осведомлённый. Уверяет, что бывали москвиты в Индии, причём шли посуху. Говорил, даже письменное описание дорог, сделанное каким-то купцом, у них в приказе имеется.

– Приказной москвит? – оживился Вальд и немедленно предложил: – А может, сведёшь меня с ним? Я русский язык понять могу, да и сам по-ихнему мало-мало шпрехать тоже...

– Этого не понадобится, мой подьячий три языка знает, – Гуго задумался. – Познакомить, конечно, можно, вот только как вам встречу устроить...

Сразу уловив, отчего Мансфельд вроде бы колеблется, Вальд с неким намёком предложил:

– Пошли ко мне, там за столом всё обсудим...

– Ладно, – понимающе усмехнулся Гуго, и они оба, свернув на боковую дорожку, пошли к дому Вальда...

* * *

Старшина артели, обойдя вокруг, старательно осмотрел стоявший носом к воде готовый коч, глянул на густо смазанные ворванью салазки, снял шапку и, перекрестившись, махнул своим.

– Начинай, ребята!

Стоявший чуть в стороне Фрол отступил подальше и окинул взглядом приготовленный к спуску кораблик. Судёнышко вышло ладным. Это был большой коч не с двумя, а с тремя мачтами и длинным бугшпритом, позволявшим в случае надобности нести дополнительный кливер.

Сдвинутый несколько назад трюмный люк дал возможность разместить на палубе малую лодку. Идущая же вдоль верхнего края борта общепринятая яркая цветная полоса была не сплошной, а представляла собой непрерывную цепочку из синих, белых и красных треугольников.

По команде артельщика корабелы дружно выбили упоры, державшие корпус на стапелях, коч слегка просел, вздрогнул, сдвинулся с места, а потом всё быстрее и быстрее начал сползать в реку. Затем, раскидывая две крутые волны, нос судёнышка глубоко нырнул, бугшприт почти коснулся поверхности, но всё обошлось. Коч легко сошёл со стапелей и закачался на свободной воде.

Убедившись, что всё прошло гладко, артельщик обратился к купцу:

– Ну, Фрол Матвеич, принимай работу.

– Рано ещё. – Фрол спрятал в бороде довольную улыбку. – Вот закончите оснастку, вот тогда – да...

– Это мы скоренько, – весело заверил купца артельщик и побежал к урезу, где его люди уже принялись швартовать только что спущенный на воду коч.

Какое-то время Фрол следил за их работой, а потом глянул на реку и заметил быстро приближающийся косой парус. Сначала Фролу показалось, будто это чья-то рыбацья лодка, но присмотревшись, он, понаторевший в морском деле, чётко определил, что на подходе голландский бот.

Пока Фрол недоумённо прикидывал, кто это, парус опал, подошедший через какое-то время бот ткнулся носом в берег, и оказалось, что там, сидя на корме, управляется со шкотами всего один человек, хорошо известный всему Архангельску опытный мореход, кормчий Епифан Стоумов.

Пока Фрол недоумённо прикидывал, что привело кормчего в Лаю, тот вылез на берег и, подойдя к купцу, заломил шапку.

– По здорову ли, Фрол Матвеич?

– И ты здоров буди... – ответил Фрол и, не зная, отчего тот здесь, выжидательно посмотрел на кормчего.

Однако Епифан сначала придиричивым взглядом окинул спущенный на воду коч и только после этого пояснил:

– Слыхал я про твой кораблик, вот и не утерпел, решил сам глянуть...

– Ну и как он тебе? – усмехнулся Фрол.

– Хорош, – заключил кормщик. – Вот только не великоват ли? На волоке с ним не иначе маета будет.

– Такой коч совсем не для волока, – возразил Фрол. – То не дело – судно по суку руками таскать.

– Это верно, – немного подумав, ответил кормчий и вдруг предложил: – Ты, Фрол Матвеич, видать, сюда на веслах пришёл, но, может, со мной обратно?

Предложение было сделано точно неспроста, и Фрол, явно колеблясь, заметил:

– Так вроде ветер неподходящий...

– Ничего страшного, – заверил купца кормчий. – Мой «голландец» и при противном ветре хорошо ходит.

– Ну ежели так... – соглашаясь, протянул Фрол и, последний раз окинув взглядом опустевший стапель, пошёл к боту.

Подождав, пока Фрол усядется, Епифан, ни к кому за помощью не обращаясь, сам оттолкнул бот от берега, прыгнул на корму и взялся за румпель. Лавируя против ветра, он вывел бот из Лаи в Двину и круто положил руль на борт. От резкой смены курса потерявший ветер парус заполоскал, но почти сразу опять наполнился, позволив взять курс в сторону Архангельска.

На реке боковой ветер заметно усилился, однако Епифан умело повернул парус круче, после чего уже бывшее тугим полотнище натянулось ещё сильнее, и бот, кренясь, стал так набирать ход, что Фрол даже услышал, как за пером руля начала журчать вода.

– А неплохо идём, – усмехнувшись, заметил Фрол и выжидательно посмотрел на кормщика, ловко управлявшегося со снастью.

Купец хорошо понимал, что Епифан, конечно же, заявился на плотбище²¹ совсем не попусту, и теперь ждал, что тот ему скажет. И точно, кормщик, вроде как между прочим, поинтересовался:

– Скажи, Фрол Матвейч, новый коч к норвегам отправишь или как?

Фрол тоже имел на кормщика свои виды и потому ответил правду:

– Поначалу к норвегам, а уж потом...

– Ну потом, ясное дело, на Грумант, – предположил Епифан и добавил: – Ведь твои кочи только туда и ходят.

– Оно так, – согласился Фрол и, вроде как раздумывая, сказал: – Только я думаю, и в океане дорога есть...

Купец не договорил, но Епифан сразу понял, что именно имелось в виду, и, не скрывая своего интереса, спросил:

– Фрол Матвейч, неужто новый коч встречь солнца решил отправить?

– Само так, – не колеблясь подтвердил Фрол. – Уверен, не иначе по открытой воде путь должен иметься.

– Конечно, должен, – с жаром поддержал его Епифан.

– Значит, пойдёшь кормщиком на новом коче? – оборачиваясь, спросил Фрол и, увидев, как Епифан согласно кивнул головой, улыбнулся...

За столом в светёлке у Томилы Пушника сидели четверо. Сам хозяин был здесь не как простой затынщик, а как известный в городе торговец мягкой рухлядью. Тут же был и его напарник по пушному делу, приёмщик ясака с воеводского двора Евсей Носков. Двое других мехом не занимались, но выделялись по иной части. Это были хозяин литейной мастерской Якимка Городчиков и пришедший вместе с ним ювелирных дел мастер Третьяк Желвунцев.

Собравшиеся напряжённо молчали и, хотя перед ними красовался штоф оковытой, украшенный обливным орнаментом, в окружении тарелей с рыбными пирогами, морошкой да строганиной, никто пока не притрагивался к угощению. Здоровенный чернобородый литейщик смотрел на сидевшего напротив такого же крепкого затынщика, отличавшегося от мастера разве что только своей ярко-рыжей бородой, а воеводский сборщик ясака исподтишка приглядывался к самому старшему из собравшихся, совсем уж седому ювелиру.

Признаться, он-то и интересовал Евсея больше всего. Что касалось двух других, то он знал их достаточно хорошо, а вот с Желвунцевым ему так близко встречаться не приходи-

²¹ Верфь.

лось, и сейчас приказной на всякий случай ещё раз вспоминал, что ему приходилось слышать о мастере.

Сам же старый Третяк Желвунцев, зябко кутаясь в богатую меховую накидку, покрутив головой из стороны в сторону, не спеша осмотрел уютную светёлку и с явным одобрением сказал хозяину:

– А ничего хороминка...

– Что, понравилась? – поддерживая разговор, с готовностью отозвался затынщик.

– А почему ж не понравиться? – Ювелир ещё раз, словно проверяя самого себя, глянул вокруг. – Опять же, воздух чистый, дыма не слышать вовсе.

– А ему откуда тут взяться? – охотно пояснил затынщик. – Ход отдельный, дым сюда не попадает. Правда, малость прохладней, чем в поварне.

– Так нам и не привыкать к морозам-то, – вмешался в разговор Евсей и первым потянулся за штофом.

Сноровисто налив всем оковытой, он хитро поглядел на собравшихся и, вроде как со скрытым намёком, сказал:

– Ну что, можно и принять, во здравие...

Евсей лихо опрокинул чарку, а Томило, спохватившись и вспомнив про свои обязанности хозяина, засуетился:

– Вы ешьте, ешьте...

Гости не заставили себя особо упрашивать, и какое-то время в светёлке молчали, но потом мастер-ювелир ещё раз глянул кругом и похвалил хозяина:

– Хитро придумано, хитро... – а потом не без умысла добавил: – Ну раз ты такой таровитый, то не мешало б и хоромину побольше завести...

– Оно бы, конечно, так, можно и больше, можно даже с подклетью, – согласился Пушкин и вздохнул: – Знать бы только, как оно дальше будет...

– А что оно дальше. Как-то оно будет...

Говоря так, осторожный ювелир сделал вид, будто не знает, зачем они собрались, но хмель уже мало-помалу начал развязывать языки, и Евсей, сразу переходя к сути, сказал напрямую:

– Соболя в тайге поменьшало, сбор не тот, что прежде, ну и вообще...

Он не договорил, но все и так поняли, про что речь, и Третяк, перестав скрытничать, поддержал:

– Оно верно, в прежние времена у нас и народу тут тысячи были, а сейчас город – и тот хиреть начал...

Теперь, когда за столом наконец-то заговорили по делу, вмешался и помалкивавший до поры Яким.

– Я помню, сколько тогда на реке кочей было, и оборот знатный... – Он сокрушённо помотал головой. – Вот бы вернуть...

– Так на Ямальский волок запрет, – напомнил Евсей.

– Ну и что? – посмотрел на него Якимко. – Рекой от моря тоже путь есть...

Что он имел в виду, всем было ясно, но только Томило высказался вслух:

– Вот ежели б иноземцев сюда пустили, торговля б другая пошла...

– Воевода воспрепятствует, – напомнил Евсей.

– Что воевода, – разгорячился Пушкин, – государю отписать надобно!

– Пустое, – остановил его старый Третяк. – Но можно и иначе повернуть...

– Это как же? – Все посмотрели на старика.

Видно было, что старый ювелир отчего-то колеблется, но в конце концов решившись, он пожевал губами седую бороду, вздохнул и начал:

– Я вам вот что скажу... Лет тридцать назад двое здешних воевод враждовали. Город ходуном ходил от их распри. Дошло до того, что дрались меж собой оружно. А когда посадским стало не вмоготу, собрались лутчие люди и составили Одиначную Запись, чтоб стоят друг за друга до конца, но воеводскую распрю укоротить. Чтобы, значит, воеводы впредь со всяким оружием ходить не велели и над городом никакой порухи не делали. Вот так-то и стихили буйных...

Старик умолк, снова задумчиво пожевал бороду, и тогда, не удержавшись, Томило воскликнул:

– Это что ж, мир выступил против безлада, в городе учинённого от воеводского несогласия?

– Само так, само так... – согласно покивал головой ювелир. – Мир-то он всегда главнее...

– Так это как же, – Томило по очереди посмотрел на каждого, – выходит, ежели что, то и мы так можем?

– А что?.. Ежели с посадскими переговорить... – поддержал Томилу Яким.

– Экий ты торопыга, обсудим-ка поначалу, – остановил его Евсей, и тогда все дружно придвинулись к нему...

* * *

Кулачный бой, на который сбежалась тьма мизинного люда²², был учинён в Земляном городе. Правда, из опаски (власть на такое дело смотрела косо) обычного боя «стенку на стенку» не устраивали, и встреча была «сам на сам». Бились два самых известных бойца-кулачника: молотобоец с Пушечного двора Федька Алтын и мастер-обойщик из Каретного ряда Иван Подкова.

Дрались бойцы отчаянно. Падкий на такое побоище народ орал, улюлюкал и волновался. Задние, из-за того, что им было плохо видно, давили на передних, а те, в свою очередь, стараясь остаться на месте, упирались, и оттого площадка, на которой всё время шёл яростный бой, становилась то больше, то меньше, порой даже несколько смещаясь в тот или другой бок.

Подзадоренные криками, летевшими со всех сторон, бойцы то лихо наскокивали друг на друга, то угрожающе помахивая здоровенными кулаками, пытались обойти соперника вкруговую, явно высматривая, с какой стороны сподручней ударить.

Внезапно Алтын, улучив момент, треснул Подкову в ухо с такой силой, что тот зашатался и чуть было не упал.

Толпа восторженно заревела, но сторонники Федьки радовались рано. Иван отступил на шаг, вроде как покачнулся, и, когда Алтын снова кинулся на него, нанёс встречный удар, угодив супротивнику прямо в челюсть. Теперь уже Федька закачался на месте, ошалело крутя головой, и многим показалось, что Алтын, не удержавшись на ногах, вот-вот рухнет. Кто-то в толпе не выдержал и дико заорал:

– У Подковы свинчатка!!!

Сторонники Алтына угрожающе загудели, и быть бы всеобщей драке, если б Иван не отступил на шаг, подняв правую руку высоко вверх и сдёрнув с неё бойцовскую рукавицу. Потом медленно, так чтоб все видели, потряс ею в воздухе, а когда собравшиеся убедились, что никакой свинчатки там нет, показал вдобавок ещё и, растопыривши пальцы, ладонь.

Страсти малость поутихли. Подкова снова надел рукавицу и начал угрожающе приближаться к оклемавшемуся Алтыну. Затяжной бой длился уже порядочно, и теперь подуставшие бойцы выжидательно принялись топтаться один возле другого, явно собираясь с силами для

²² Мизинные люди – беднота.

новой, уже решающей стычки. Толпившиеся вокруг людишки, каждый стараясь подбодрить своего бойца, загалдели с новой силой, страсти закипели, и всё кругом вроде как забурлило.

В эту возбуждённую, жаждущую зрелищ толпу случайно затесались двое подьячих – Матвей Реутов и Первой Михайлов. Какое-то время они так-сяк следили за боем, но потом, когда толпа особенно сильно зашумела, оба, опасаясь, как бы сейчас не учинилась драка, начали пятиться.

Однако общий азарт в какой-то мере охватил и их, они было затоптались на месте, но тут Матвей, увидев, что по мосту через Язу, размахивая бердышами, с явным намерением разогнать толпу бегут стрельцы, пробормотал:

– Да пошли отсюда, пошли... – и потянул товарища в сторону.

– А что такое? – заартачился Первой.

– Смотри! Эти сейчас покажут, как царский указ нарушать²³... – Матвей показал Первою на стрельцов, уже успевших перебежать мост и начавших обходить толпу.

Оба подьячих, смекнув, что пора уносить ноги, бочком-бочком подались в сторону и, отойдя подальше, спрятались за бревенчатой оградой. Из своего укрытия они какое-то время наблюдали, как стрельцы гонят прочь любителей кулачного боя, и, когда Матвею показалось, что можно уйти незаметно, он толкнул локтем жавшегося у него за спиной Первого.

– Прендзе!²⁴ – А затем осторожно, так чтоб не попасться стрельцам на глаза, начал пробираться вдоль ограды.

Испуганно пыхтящий Первой не отставал от Матвея ни на шаг, но когда они, обогнув ограду, оказались в безопасности, он удивлённо спросил:

– Ты это давеча по-каковски сказал?

– По-польски, – буркнул Матвей и уверенно завернул в грязноватый проезд между посадских дворов.

Первой знал, что Матвей был на Украинской войне, и когда стрельцы остались где-то там сзади, любопытствовал:

– А что, в Польше тоже кулачные бои есть?

– Пхе! – презрительно фыркнул Матвей. – Сказал тоже. Кулачной бой, оно что? Глядеть противно на такое непотребство. Лупят друг друга по мордам, аж юшка в стороны, да ещё норовят и нос расквасить...

Выслушав Матвея, Первой шагов двадцать шёл молча, а потом, решив что-то про себя, заключил:

– Значит, в Польше и там дальше в немецких землях такого непотребства нет...

– Знамо, нет, – вспомнив про Польшу, Матвей оживился.

– Там, гадаю и жизнь спокойнее? – предположил Первой.

– Ну, в Польше оно не особо, – Матвей немного подумал и убеждённо сказал: – А вот в немецких землях, там да, чинный порядок...

– Вот бы пожить там! – вслух помечтал Первой.

– Хе, – усмехнулся Матвей, – чтоб там жить, деньги надо.

– И всё равно, если случаем денжат раздобыть, можно б, – не отступался Первой.

– Их и тут добыть можно... – Решив что-то про себя, Матвей приостановился и со значением глянул на товарища.

Сразу поняв, куда тот клонит, Первой оживился:

– Подскажи как?

²³ Запрет на кулачные бои.

²⁴ Быстрей (польск.).

– Да есть у меня иноземец знакомый, зело любопытный. Ежели ты ему что расскажешь, он отблагодарит. – Матвей запнулся, словно решая, сказать или нет, но потом закончил: – Ежели охота есть, могу свести...

– Так сведи, – не раздумывая согласился Первой и прямо на ходу принялся расспрашивать про иноземца...

* * *

Приспущенные паруса потеряли ветер, и, сбавляя ход, купеческий галеон начал медленно входить в широко раскинувшееся речное гирло. Убедившись, что маневр прошёл удачно, капитан, стоявший возле нактоуза, пригнул поля шляпы так, чтоб холодная морось не попадала в лицо, и махнул рукой.

Бортовой фальконет²⁵, послушно выпыхнув язык пламени, окутался дымом, и над водяной гладью, вызывая лоцмана, прокатился, замерев в отдалении, гром пушечного выстрела. С недалёкого берега, видимо, уже давно следили за приближающимся кораблём, и от уреза почти сразу, подняв косой парус, отвалил мореходный ял.

Довольно скоро лоцманское судёнышко приткнулось к борту почти остановившегося галеона, и на палубу по спущенному для него трапу поднялся рослый бородатый мужик в подпоясанном кушаком кафтане. Оглядевшись, он безошибочно определил капитана и, обращаясь к нему, громко сказал:

– С благополучным прибытием!

Потом по узкой лестнице поднялся на мостик, по хозяйски встал сбоку большого штурвального колеса, уверенно взялся за его отполированные ладонями рукоятки и, показав на приспущенные паруса, распорядился:

– Поднимай помалу!

Ведомый лоцманом галеон неспешно набрал ход и медленно поплыл по реке между берегов, густо поросших лесом. Там, где деревья местами отступали, виднелись одинокие строения, потом они пошли гуще, и вот впереди замаячил город. На фоне серого северного неба отчётливо прорезался и остроконечный шпиль кирхи, высившийся над оградой Иноземного двора, и купола церковей, а по мере приближения стали хорошо видны и жавшиеся к воде бревенчатые дома да отстоявшие чуть в стороне от них каменные монастырские стены.

Когда же купеческий корабль подошёл к самому городу, лоцман приказал снова спустить паруса и круто повернул руль. Речное течение мягко прижало судно бортом прямо к пристани, и крашенная охрой грубовато вырезанная из дерева в полтора человеческого роста фигура морской девы почти что повисла над пирсом.

Пока боцман хлопотал со швартовкой, капитан спустился в жилую палубу и прямо у дверей каюты столкнулся с пассажиром, наконец-то решившим встать на ноги. Весь путь, мучимый морской болезнью, он не отрывался от койки, но сейчас, после того как галеон довольно долго шёл по тихой воде, вроде как оклемался.

Увидев капитана, он обтёр бледное лицо ладонью и с надеждой спросил:

– Что, прибыли?..

– Так, гере, мы у Архангельской пристани.

Надо сказать, что такое обращение капитана к человеку, не привычному к путешествию на корабле, было далеко не случайным. Пассажир, всю дорогу страдавший морской болезнью, гере Ван-Лейден был важной персоной и сейчас, представляя интересы голландской торговой компании, имевшей дело с Москвией, явно неспроста прибыл в Архангельск.

²⁵ Орудие на вертлюге.

Хотя касательно цели его прибытия капитан догадывался, но расспрашивать о чём-либо гере Ван-Лейдена у него и мысли не было. Дела торговые полагалось держать за семью печатями, и капитан, лично помогая достопочтенному пассажиру сойти на пристань, считал свою миссию выполненной.

Он, правда, не учёл одного момента. Его галеон, открывая навигацию, первым прибыл в Архангельск, и потому здешний люд, соскучившись за долгую зиму по всяким зрелищам, сбегался на пристань. Судя по всему, гере Ван-Лейден, не ожидавший ничего подобного, слегка растерялся, и капитан поспешил его заверить:

– У московитов так принято...

А народу и впрямь собралось много. Больше того, через малое время от города подкатил возок, и из него выбрался сам воевода, облачившийся по такому случаю в парчовый кафтан. Вообще-то, приезжать на пристань воеводе было вроде бы «невместно», но архангелогородцы уже давно притерпелись к иноземцам, и этот его поступок был принят как должное.

Пройдя сквозь почтительно расступившуюся толпу, воевода подошёл к иноземцам, какое-то время в упор рассматривал новопривывших и, безошибочно определив кто есть кто, благожелательно спросил:

– По здорову ли добрались, капитан?

Толмач, неслышно выступив из-за спины воеводы, перевёл, и капитан ответил:

– Благодарствую. Морские боги были к нам милостивы.

– Хорошо, – воевода улыбнулся и заметил: – Вижу, отважно шли, поморы сказывают, в гирле ещё стамух²⁶ изрядно.

– Ваша честь, наше дело купецкое, без риска никак нельзя, – без улыбки, с достоинством, но достаточно почтительно ответил капитан.

– Ну а ты, мил человек, кто таков будешь? – воевода строго посмотрел на топтавшегося рядом Ван-Лейдена.

Капитан, не первый раз бывавший здесь, наклонился к уху Ван-Лейдена и вполголоса пояснил:

– Это воевода Архангелогородский. Главный тут от царя Московского.

Услыхав такое, Ван-Лейден поспешно сдёрнул шляпу и, согласно принятому политесу, отвесил церемонный поклон.

– Я послан от кумпанства голландского, дабы во всём содействовать торговым делам с государем Московским.

Воевода выслушал перевод и, вроде как в поклоне, наклонил голову.

– Рад приветствовать столь дорогого гостя. Милости прошу, – и он сделал широкий приглашающий жест...

* * *

Кормщик Елифан после утомительной вахты сторожко отсыпался на своём рундуке в кормовой каюте, а сменивший его подкормщик Иван Вага, стоя возле крышки трюмного люка, слушал байки собравшихся на носу поморов. Коч шёл в виду берегов, и над ним низко неслись рваные клочья серых облаков. Дул резкий северный ветер, волны били в борт, и от их ударов из-за ставшегося здесь мелководья не качало, а трясло, как на ухабах.

Кто-то из поморов заметил:

– Видать, банка²⁷ тут, ишь как колотит.

²⁶ Больших, сидящих на мели льдин.

²⁷ Мелкое место.

– Да, трясёт изрядно, – согласились с ним, а кто-то даже заметил: – То ж таки море, это на земле так не бывает.

– А вот и бывает, – неожиданно возразил ему старшой. – Ещё как бывает!

– Так ты расскажи, раз знаешь, – начали подзадоривать его поморы.

– Ну раз охота, слушайте, – согласился старшой и начал: – Индрик-зверь всем зверям отец и всем зверям зверь. Он копает рогом по подземелью и идёт по тому подземелью куда хочет, аки солнышко по поднебесью. Когда ж этот зверь взыграется, вся мать-земля над ним всколыхается.

– Это кто ж так говорит? – послышался недоверчивый, со смешком, голос.

– А самоедь сибирская, – отвечивал старшой, и было неясно: всерьёз он так считает или травит обычную байку.

– Этого Индрика-зверя клыки загнутые в тундре находят часто, – подтвердил слова старшого кто-то из бывалых, но тут же скептически заключил: – Но чтоб от него земля трусилась, то враки.

Ещё кто-то, тоже немало повидавший, добавил:

– Точно, находят. Самоедь потом из той кости всякую нужную вещь вырезает. Что ж до того, что земля трястись может, то слухи есть...

Собравшиеся на носу примолкли, и тогда старшой уже без всяких баек обстоятельно пояснил:

– Казаки-землепроходцы сказывают, ежели встречу солнца идти долго, то к морю-окияну выйти можно, и там на берегу горы огнедышащие есть, и ещё местами возле них горячая вода с паром прямо из земли бьёт. Говорят, вроде у тех гор земля и впрямь трястись может...

– Правда?.. Вот бы поглядеть... – не выдержал мальчишка-зуёк, делавший свой первый в жизни рейс к норвегам.

– Поглядишь ещё, – обнадёжил его старшой.

– А что, дальше-то куда пойдём? – заинтересовавшись, обратился к старшому кто-то из поморов.

– А куда хозяин скажет, – недовольно ответил старшой. – Сам небось знаешь, может, на Грумант, а может, и ещё куда. Вот зайдём к норвегам, китовый жир и солёную рыбу у них купим, а потом уж куда дальше, на промысел...

Тем временем не раз уже слыхавший такие рассказы Иван Вага пригляделся к берегу, узнал знакомые очертания и сердито крикнул:

– Эй, вы там, кончай байки травить! Подходим!

Болтовня на носу враз смолкла, поморы привычно разошлись по местам, и все стали напряжённо всматриваться в чётко вырисовавшуюся впереди по курсу оконечность далеко выдавшегося в море мыса, который сейчас, взяв покруче к ветру, должен был обойти коч.

Неширокий вход в фьёрд открылся сразу за мысом. Предстояло войти в гавань, и Вага, отойдя на корму, где двое рулевых, удерживая коч на курсе, по мере надобности ворочали румпель, постучал кулаком в крышку каютного люка. Слышно было, как чертыхнулся спросонья Епифан, и, почти сразу выбравшись на палубу кормщик, протирая заспанные глаза, спросил у Ивана:

– Что такое?

– Да вон. – Вага показал на каменные откосы, между которых чётко обозначился весьма широкий проход.

– Ага, пришли... – обрадованно заключил Епифан и, встав рядом с помощником, принялся всматриваться в медленно расступавшиеся впереди берега фьёрда.

Под одним передним парусом коч миновал опасные узости и медленно вошёл в защищённую скалами гавань. Открывшийся вид завораживал. Вокруг было множество рыболовецких судов, среди них особо выделялись норвежские йолы, сильно похожие на старинные лады.

По берегу вытянулись причальные стенки, склады, а сразу за ними теснились аккуратные, ярко окрашенные домики, подковой охватывавшие подножье горы, на которой высилась крепость. Её мощные стены были сложены из дикого камня, и из амбразур грозно выглядывали защищавшие город пушки.

Приход поморского коча не остался незамеченным. На пристани поднялась суета, и когда Елифан ощутил под ногами не всё время колеблющуюся палубу, а твёрдый настил причала, к кочу уже спешил портовый чиновник в шляпе с пером и при шпаге.

Остановившись перед кормщиком, норвег приподнял край шляпы и осведомился:

– Откуда будете?

– Из Архангельска идём, с товаром, – степенно ответил Елифан.

При разговоре им толмач не потребовался. Кормщик почти свободно говорил по-норвежски, а норвег, видать, поднаторевший на встречах с поморами, достаточно хорошо понимал русскую речь.

– Что доставили? – поинтересовался чиновник.

– Полотно парусное, канаты, поделки железные, – начал перечислять Елифан и, углядев, как приветливо заулыбался таможенник, понял, что со стороны властей препятствий торговле не будет...

* * *

Сидя у стола, Петер Вальд с интересом осматривался. Он в первый раз был в гостях у Мансфельда и теперь внимательно изучал обстановку. В комнате кроме стола со стульями был резной поставец, и в нём за чечевицеобразными стёклами, вставленными в дверцы, виднелась дорогая посуда.

За спиной у Вальда горел приятно дышавший теплом камин, а через большое, с мелким свинцовым переплётом окно проникали солнечные лучики, заставляя блестеть вощёный пол и ярко освещая висевшие на выбеленных стенах салфетки с вышитыми на них доброжелательными сентенциями.

Сам Петер Вальд жил постояльцем у пастора и был там на полном пансионе, но глядя на уютную комнату, всерьёз подумал о том, что ежели придётся обосноваться в Москве надолго, то он тоже построит для себя точно такой же дом, где будет поддерживаться немецкий порядок.

Увидев появившегося в дверях хозяина дома, ненадолго выходявшего, чтобы дать какое-то распоряжение прислуге, Вальд одобрительно покачал головой и принялся заново осматривать комнату. Садясь напротив, Гуго перехватил восхищённый взгляд Петера и поинтересовался:

– Что, нравится?

– Ещё бы, – с готовностью подтвердил Вальд и с чувством неприкрытого превосходства добавил: – Да, это не здешняя дикая Московия. Мне говорили, татары – и те тут со своими обрядами свободно богослужение отправляют...

– Татары татарами, а вот сама Московия не такая уж дикая, – резонно возразил Мансфельд.

– Не скажи! – запротестовал Вальд. – Достаточно пройти по ихним улицам. Азия, да и только, а про подлый люд я даже говорить не хочу.

– А о простолюдинах речи нет, – согласился Гуго и напомнил: – Наша задача – общаться с верхними и выяснить, на что сейчас способна Москва.

– Думаю, за время Украинской войны Московия заметно выдохлась, – предположил Вальд.

– Согласен, чувствительные поражения были, – кивнул Гуго. – Опять же, дворяне да даточные люди²⁸ там воевали. Однако с Польшей Московия сумела заключить мир на равных, да и сейчас...

– Что «сейчас»? – не понял Петер. – Их артиллерию и стрельцов на давешнем смотре мы видели.

– Видели, – со странным выражением подтвердил Гуго и усмехнулся. – Только скажу тебе: это далеко не вся их артиллерия, а что до стрельцов, то в новонабранных полках солдатского строя, включая рейтар и драгун, не меньше как тысяч двадцать, да и вообще уже, считай, добрая половина московского войска с помощью нанятых иноземных офицеров устроена по европейскому образцу...

Разговор прервался, так как в комнату, держа в руках поднос, вошла служанка и выставила на стол две пивные кружки с крышечками. Добавив к ним целую тарелку солёных сухариков, девушка вышла. Проводив её взглядом, Вальд взял свою кружку и нажал большим пальцем торчавший над ручкой рычажок. Крышка откинулась, и Петер отведал янтарный напиток.

Какое-то время оба немца с наслаждением пили пиво, но потом Гуго отставил кружку и сокрушённо вздохнул:

– Жаль, что москвиты решили торговать сами и царь не дозволил нашим купцам ходить в Персию...

– Да... – Петер отпустил рычажок, и крышечка со щелчком закрылась. – А как решено поступить с казаками, что разбойничают на Волге?

– Просто, – Гуго снова взял кружку. – Уже известно, что всего за сто вёрст от Москвы, в царской вотчине Дединово, строится первый военный корабль из тех, что должны охранять путь в Персию.

– А насчёт других путей, в иные земли, – Вальд потянулся за солёным сухариком, – удалось что-то вызнать?

– Удалось. – Мансфельд оживился. – Как мне сказали, у царя имеется генеральная карта Московии.

– И что, к ней есть доступ? – Услышав такое, Петер Вальд враз забыл и про пиво, и про сухарики.

– Есть. Нашёлся один подьячий мздоимливый... – Гуго помолчал и закончил: – Думаю, нам стоит им заняться всерьёз.

– Обязательно займёмся, – Петер кивнул и принялся сосредоточенно грызть твёрдый сухарик.

– Да, – неожиданно вспомнил Мансфельд. – Хочу показать кое-что...

Он поднялся, достал из поставца небольшой ларец и, ставя его перед Вальдом, хитровато спросил:

– Ну как?..

Вещица и впрямь была знатная. Сработанная из красного дерева, она весело отражала от своих полированных боков искристые солнечные лучики. Однако ничего особого в ней Вальд не заметил, но из вежливости похвалил:

– Да, хорошо смотрится.

– Это ещё что... – весело рассмеялся Гуго и, повернув торчавший наружу ключик, открыл крышку.

Вальд заглянул в середину и, ничего там не увидев, вопросительно посмотрел на Гуго, но именно в этот момент в середине ларца что-то щёлкнуло, и спрятанные где-то там внутри колокольчики звонко и мелодично заиграли гавот.

²⁸ Временные солдаты.

– Да... занятная штука... – прислушиваясь к звону колокольчиков, теперь уже искренне похвалил музыкальный ящичек Вальд и, догадавшись, что Гуго не просто так показывает его, глянул на Мансфельда. – И для чего он?

– Пригодится ещё, – заговорщически подмигнул Манфреду Гуго и захлопнул крышку пока ещё пустого ларца...

* * *

Воевода Архангелогородский, стольник Фёдор Епанчин, не находил себе места. Он то подходил к секретеру, то вышагивал от печки к столу, то останавливался на полдороге и молча думал. Непонятно почему, но его мысли отчего-то закрутились вокруг давнего Никишкиного сообщения про интерес иностранцев к его персоне.

Сейчас, прикидывая в очередной раз, что да как, воевода отвлёкся, перестал расхаживать из угла в угол и, подойдя к окошку, глянул на реку. Погода выдалась солнечная, ветреная и множество надутых парусов белели на синей воде. Это окрестный люд на карбасах²⁹ торопился к Соборному ковшу, чтобы поспеть в храм.

Ближе к пристани теснились купеческие суда, и лес их мачт заставил воеводу припомнить, сколько всякого товара доставлено иностранцами в Архангельск, сколько всего уже сложено в трюмы и отправится в немецкие земли, вот только доход от этой торговли всё больше доставался заморским купцам.

Воевода сердито крякнул, помотал головой, перестал бесцельно созерцать вид на реку и, вернувшись к секретеру, достал из потайного ящичка свиток с царской печатью. Это был строгий наказ воеводе, и Епанчин, отыскав нужное место, в который раз внимательно прочитал: «... Немцам в Мангазее торговать ездить позволить невозможно. Да не токмо им, а и русским людям в Мангазее от Архангельска города ездить не велеть, чтобы смотря на них, немец дороги не узнал и, приехав бы, военные люди Сибирским многим городам какие порухи не учинили».

Воевода собрался было ещё размышлять, но его внимание отвлёк служка, заявившийся с докладом:

– Там к вашей милости купчина Фрол Михайлов... – Немного выждав, служка спросил: – Пускать?

Воевода самую малость подумал и кивнул:

– Зови.

Фрол не заставил себя ждать. Переступив порог, он степенно поклонился:

– Буди здрав, воевода.

– И тебе по здорову, – отвечивал Епанчин и строго посмотрел на купца: – Ну, чего пришёл?

Фрол почему-то медлил с ответом, и тогда воевода, возвращаясь к собственным мыслям, поинтересовался:

– Допреж скажи-ка ты мне, бывает, чтоб иностранцы, те, что товар к нам возят, в наше Студёное море далеко ходить пробовали, аль пока не решаются?

– Всяко бывает, – степенно отвечивал Фрол. – Однако им на ихних кораблях у нас ходить неспособно. Оно конечно, на глубинах, да по чистой воде они ходки знатные, но вот при береге может и затереть невзначай, тогда дело плохо, лёд он-то ведь и раздавить может.

– А твои кораблики, значит, ходят? – усмехнулся Епанчин.

– Само собой. Я вот шесть своих раншин³⁰ на промысел отправил, жду, пока жир тюлений доставят.

²⁹ Транспортное судёнышко.

³⁰ Небольшое судно для промысла у кромки льда.

Воевода насторожился. Он уже знал, что поморы используют жир, когда при случае надо утишить волны, и потому спросил напрямую:

– Далеко ли собрался, купец?

– Я не собираюсь, – покачал головой Фрол. – А вот свой новый коч, что к норвегам для проверки ходил, встречу солнца послать хочу, точно. Потому и пришёл.

– Встречу солнца? Неужто так, наобум? – догадываясь, что купец что-то задумал, Епанчин переспросил: – То куда ж оно получается?

– Промеж поморов разговор идёт, что вдоль нашего берега до самого Китая дойти можно, а то и дальше.

– Вона как замахнулся! – удивился Епанчин. – Силён...

– Это уж какой есть, – Фрол спрятал довольную улыбку в бороду.

Удивлённый тем, что они с купцом думают почти об одном и том же, воевода молча походил из угла в угол и поинтересовался:

– А чего ж только один коч посылаешь? Два аль три было бы, чай, способнее.

– Это как посмотреть. – Явно думая, как лучше объяснить, Фрол помолчал и только потом продолжил: – Оно верно, двумя или больше вроде как надёжнее. Ну а ежели шторм? Раскидает всех кого куда, и что делать? Искать друг друга начнут, время терять. А оно ж плыть надо.

– Почто же это время терять? – не понял Епанчин. – Опять собрались вместе и плыви себе дальше.

– Так-то оно так... – Фрол хитро сощурился. – Только я со своим кормщиком это дело обговорил. Ежели без задержек идти, можно вроде бы не зимовавши льды миновать.

– Ну а как случится что, тогда как? – продолжал гнуть своё Епанчин.

– А в море оно завсегда что хошь случиться может. Тут уж кому какая планида выпадет, – развёл руками Фрол.

Епанчин промолчал и снова начал расхаживать по палате. Потом приостановился и, говоря как уже о деле решённом, спросил:

– А кормщиком-то на твоём коче кто будет?

– Стоумов Епифан, мореход знатный, согласие дал, – заверил воеводу Фрол.

– Слышал... – Епанчин удовлетворённо кивнул, однако не преминул высказать и своё опасение: – Боюсь только, не раззвонили ли вы со своим кормщиком по всему городу, куда собрались.

– Такого и быть не может! – с жаром возразил Фрол. – У нас с ним уговор: про это дело ни с кем. Что задумали, только мы с ним и знаем. А сюда я и пришёл, чтоб сказать.

– Значит, про это дело пока только мы трое знать будем? – уточнил воевода.

– Так, только мы трое, – подтвердил Фрол.

– Разумно... В таком деле лишний розголос ни к чему... – И воевода неожиданно заговорщически подмигнул Фролу...

* * *

В погожий солнечный день, держась широкого плёса, по Волге неспешно шли сразу пять тяжелогруженных стругов. На мачте переднего, в надежде поймать хоть какой-то ветерок, лениво полоскался бессильно обвисший парус, однако полсотни тяжёлых вёсел слаженно шлёпали по воде, и караван медленно плыл вдоль открытого, лишь местами поросшего кустарником берега.

Время от времени на стругах, взбадривая притомившихся гребцов, покрикивали старшины, и их громкие голоса, разносясь вокруг, постепенно терялись в летнем мареве. Ещё от

берега доносилось птичье разноголосье, изредка плескалась рыба, а в остальном ничто не нарушало царившего кругом покоя.

На корме третьего струга под туго натянутым для создания тени полотном сидел бывший в караване старшим доверенный приказчик хозяина. Перед ним стоял кувшин с брагой, и он, спасаясь от несусветного зноя, то и дело наполнял белёсым напитком объёмистую глиняную кружку и жадно пил.

Надо сказать, что если б не эта полуденная жара, заставлявшая приказчика как манны небесной ждать вечерней прохлады, настроение у него было бы замечательным. Торги в Астрахани прошли успешно, прибыль обещала быть изрядной, и приказчик предполагал, что он внакладе не останется.

Конечно, кое-какие ухищрения имелись: торговля есть торговля и при желании доверенного приказчика было в чём упрекнуть, но у его ног лежал удачно купленный и зашитый в дерюгу персидский ковёр, который наверняка должен будет умиловать хозяина.

Изрядное количество потреблённой браги оказало действие, настроение, бывшее и до того неплохим, ещё улучшилось так, что даже зной вроде как перестал допекать. Приказчик помалу стал клевать носом, а потом вовсе задремал. Но не успел он погрузиться в сладостную нирвану, как всё время бывший у него за спиной рулевой истошно завопил:

– Разбойники!..

Приказчик дёрнулся, продирая глаза, повернулся к рулевому и увидел, как тот, испуганно вцепившись одной рукой в правило, другой показывает куда-то вперёд по ходу. Приказчик посмотрел туда и вздрогнул. Из скрытого кустарником ерика один за другим появлялись большие челны, битком набитые вооружённым людом, и устремлялись к переднему стругу.

Приказчик поначалу облегчённо вздохнул, вся охрана была предусмотрительно собрана именно там, но нападавших было столько, что отдельные выстрелы из самопалов потонули в воплях, лязге сабель и в общем победном рёве, донёшемся от головы каравана.

Гребцы без команды прервали работу и, опустив вёсла, обречённо ждали, что будет дальше. Потерявшие ход струги сбились в кучу, и речное течение понесло их к недалежному берегу. Тем временем крики и шум впереди вроде как стихли, и нападавшие, убедившись, что взяли верх, полезли на другие струги.

Приказчик, и так дрожавший, как осенний лист, увидев у борта разбойничьи рожи, обмер от страха. Теперь было понятно, что это не просто сбродная шайка, а по меньшей мере сотни три казаков, вышедших, как у них принято было говорить, в поход «за зипунами». И точно подтверждая эту догадку приказчика, с подошедших челнов послышались выкрики:

– Сарынь на кичку! – и на борт, угрожающе размахивая саблями, сразу полезло десятка два казаков.

Один из них, судя по всему главный, в сбитой набекрень шапке и не в кольчуге, а просто в красной домотканой рубахе, но с саблей в руке, подошёл к приказчику и, хищно улыбаясь, рявкнул:

– Ты чей?

Услышав вопрос, приказчик внезапно понял, что у него есть хоть малая, но возможность обуздать казаков, и он, взяв себя в руки, твёрдо сказал:

– Изыди, нечестивец! Груз патриарший...

В ответ один из стоявших рядом казаков выкрикнул:

– Ах ты ж шпынь ненадобный! – и подскочив ближе, замахнулся на приказчика шестопёром.

– Погодь!.. – остановил его одетый в красную рубаху казак и вдруг рассмеялся: – Патриарший, говоришь?.. Да у патриарха и так добра, чай, немерено...

Казак с шестопёром послушно отступил и, споткнувшись о зашитый в дерюгу ковёр, удивился:

– Это чегой-то?

– То для самого патриарха, персидский ковёр... – начал пояснять приказчик, но казак в красной рубахе перебил его:

– А ну развернуть!.. Глянем, что оно такое...

Пока казаки споро обдирали дерюгу, тот, что в красной рубахе, отошёл к самому краю кормового помоста и, глядя на испуганных гребцов, зычно выкрикнул:

– Не боись! Я, атаман Стенька Разин, ярыжных людей³¹ не трогаю!

Он обернулся, увидел, что уже развёрнутый красочный ковёр занял почти весь кормовой помост, прошёлся по нему и, остановившись посередине, стал смотреть на прибитые течением к берегу струги...

* * *

У Мясницких ворот Белого города было людно. По выложенной толстыми деревянными плахами мостовой, что серединой улицы тянулась до самой въездной башни, шли пешком и ехали на телегах посадские. Меж ними, покрикивая, чтоб сторонились, проскакивали верховые, и время от времени, грохоча ошинованными железом колёсами, катился крытый боярский возок.

По обе стороны мостовой земля была плотно утоптана проходившим стороной пешим народом и только под заборами, огораживавшими владельческие дворы, да вдоль стен, построенных плотным рядом богатых с каменными подклетьями домов, узкими полосками зеленела трава.

Договорившиеся на всякий случай прийти сюда порознь подьячие Матвей Реутов и Первой Михайлов встретились у боярского двора и, стоя под бревенчатым заплотом в сторонке от общей толчеи, сторожко приглядывались, нет ли где рядом какого-никакого соглядатая.

Опасались они не зря. Задуманное ими дело было чревато, но уж больно силён оказался соблазн, заставивший готовившего побег Первого и уже давно связанного с иноземцами Матвея, встретиться здесь. Так что сейчас, убедившись, что всё вроде тихо, они принялись обсуждать как быть дальше.

Оглядевшись ещё разок, Матвей Реутов показал Первою на противоположную сторону улицы, где над воротами кабацкого двора был прибит выбеленный солнцем бараний череп.

– Вот, в этом кабаке должен сидеть иноземец.

– А ежели он там не один, то как я его узнаю? – замылся отчего-то заробевший Первой.

– Так я же тебе сколько раз уже толковал! – рассердился Реутов, но всё-таки напомнил подельнику: – Он тебя спросит, ты ли подьячий, а потом скажет, чтоб ты взял имбирного пива. Уразумел?

– Да понял, я понял, – кивнул Первой и снова засомневался: – А про что мне с ним говорить-то?

– Да не надо тебе говорить, – сердито махнул рукой Матвей. – Это он тебя спрашивать будет, а ты ответствуй. Ежели он свой интерес к Большому Чертежу проявит, у нас с тобой не абы какая денга будет.

– Может, ты таки сам? – протянул Первой.

– Да сколько тебе толковать? – окончательно рассердился Матвей. – Этот иноземец главней моего. А ты вроде как главней меня. Значит, и цена того, что ты скажешь, другая, уразумел?

– Уразумел... – Первой кивнул и с оглядкой пошёл через улицу к кабаку.

В кружале народу было битком, но самолично орудовавший за прилавком целовальник, сразу сообразив, что остановившийся у двери Первой не из простых, кивнул службе, и тот

³¹ Ярыга – мелкий служака.

живо провёл посетителя на другую, чистую, половину, где двое посадских как-то без особого азарта играли в зернь, а чуть в стороне от них, уже пьяно привалившись боком к столу, сидел ещё кто-то вроде бы служивый из новоприбранного полка.

На всякий случай Первой присел подальше от пьяного и стал осматриваться. Как оказалось, в дальнем темноватом углу сидели и о чём-то шептались ещё двое, похоже, купцы, но никакого такого иноземца вроде бы не было. Вздохнув, Первой собрался ждать, но вдруг получил весьма ощутимый толчок в бок.

Он повернулся, зло посмотрел на вдруг оказавшегося рядом пьянчужку, а тот, зачем-то прикрывая глаза ладонью, неожиданно спросил вполголоса:

- Подьячий?
- Так... – растерянно отозвался Первой, и тогда пьяный совсем трезво сказал:
- Вели имбирного...

Слегка ошарашенный, Первой кликнул служителя и только после того, как тот поставил перед ним оловянную кружку с пивом, решился глянуть на необычного пьяницу. На первый взгляд, он был вроде как все, но когда Первою удалось перехватить холодный взгляд незнакомца, он понял, что это тот самый иноземец, к которому его послал Матвей.

Теперь, когда всё стало ясно, Первой, ожидая начала разговора, отхлебнул пива и тут же услышал вопрос:

- Что ты иметь сказать мне?
- А что надо? – вопросом на вопрос ответил Первой и отставил кружку.
- Меня интересовать, есть ли какой короткий дорога Персия, Китай, Индия...

Хотя иноземец говорил ломано, было понятно, так он пытается узнать, что на самом деле известно подьячему. Уяснив это, Первой странным образом успокоился и сразу заговорил так, как его учил Реутов:

– В Персию ходят по реке и морю, но там сейчас казаки разбойничают, до Кяхты чуть ли не год пути, а вот в Китай можно попасть через Студёное море.

Иноземец слишком уж внимательно посмотрел на подьячего и возразил:

- Говорят, через льды нет дороги...
- Есть, – заверил его Первой. – Надо только берег всё время праворуч держать.
- Так берег там неизвестный... – начал иноземец, но Первой, которому хотелось скорее поговорить о деньгах, перебил его:

– Уже известный. Имеется Большой Чертёж.
– Что есть Большой Чертёж? – не понял иноземец.
– Ну карта всех земель российских, вот такая, – и Первой широко раскинул по кабацкому столу обе руки.

- Ты есть её видеть? – изумился иноземец.
- Так, – коротко кивнул Первой.

И хотя это не он сам, а подьячий Реутов и впрямь видел в приказе, как карту складывали, чтобы везти во дворец, Первой, поняв, что теперь можно начать главный торг, с усмешкой посмотрел на иноземца...

* * *

Прийти в гости к купцу Евдокимову воевода согласился с трудом. Если честно, просьба почтить присутствием оказалась для Епанчина неожиданной. Конечно, верный Никишка предупредил заранее о таком желании иноземных гостей, но воеводе казалось, что всё будет несколько иначе.

Началось с того, что купец Евдокимов самолично прибыл к воеводе с просьбой побывать на званом обеде и просил его не отказать в такой безделице. Однако Епанчин это безделицей

вовсе не считал и первым делом выяснил, кто ещё зван и не будет ли ему, воеводе, какого бесчестия.

В ответ Евдокимов честно признался, что гостями будут купцы голландские, и они очень желают поговорить с достославным воеводой о своих делах и, само собой, о возможной пользе государевой, которая обязательно будет от ещё большего расширения их торговли.

И вот теперь купец для начала показывал воеводе свой поставленный на иноземный лад дом. Епанчин держался строго, но на убранство смотрел с удовольствием. Особенно понравилась воеводе гостевая палата: большая, в три окна и в виду холодов сразу с двумя муравленными печами.

В каждом простенке был голландский поставец с застеклёнными дверцами, чтоб сидеть, имелись не обитые сукном лавки с засунутыми под них сундуками, а наверняка фряжские, парчовые кресла. Бревенчатые стены были обтянуты узорной тканью, но главное, на одной из них противу окон висела картина.

Воевода не смог скрыть своего интереса и даже подошёл поближе, чтоб всё рассмотреть. Там был искусно нарисован стол, сплошь заваленный битой птицей, овощами и ещё какими-то диковинными, не иначе как заморскими фруктами, видеть каких Епанчину раньше не приходилось.

Хозяин тут же пояснил воеводе, что картину-де ему подарили, и осторожно намекнул, что пора садиться за стол, поскольку все уже собрались и ждут. Воевода кивнул и вслед за купцом прошёл в трапезную, где и впрямь уже были гости. Правда, их было всего человек шесть, уже знакомых Епанчину.

Воеводу с честью усадили во главе стола, по правую руку сел хозяин, а по левую – гере Ван-Лейден, тот самый, что прибыл в Архангельск с первым кораблём. Кто он, Епанчин знал от Никишки, и то, что иноземца посадили рядом, только подтверждало: сейчас этот Ван-Лейден на Иноземном дворе – главный.

Поначалу за столом всё было чинно, но по мере того, как два расторопных холопа, метавшихся от стола к поварне, всё подливали и подливали в кубки ренского, гости стали чувствовать себя гораздо свободнее, языки развязались, и в трапезной началось обычное шумство.

Ван-Лейден на правах старшего говорил только с воеводой, толмачил их беседу про Украинскую войну, на каковой Епанчину довелось побывать, сам хозяин, но только когда уже было изрядно выпито, иноземец, как бы между прочим, поинтересовался:

– Скажите, ваша честь, а дальше к западу удобные гавани найти можно?

Епанчин ждал, что его будут спрашивать о торговле или о пошлинах, и вопрос Ван-Лейдена оказался для него неожиданным. Потому воевода сделал вид, что уже перебрал ренского, и вроде как отмахнулся:

– Да кто ж его знает? Известное дело, поморы на своих кочах к любому берегу пристать могут.

Поняв, что пока нужный разговор не выходит, хозяин встал и громко, перекрывая шум, сказал:

– Прошу всех перемены ради туда, – и он показал на дверь, что вела в гостевую.

Никто не заставил себя упрашивать. Все поднялись из-за стола, к которому тотчас устремились оба холопа и начали споро менять посуду. Епанчин тоже встал вместе со всеми и, сопровождаемый Ван-Лейденом, прошёл в соседнюю палату, где иноземец, сделав галантный жест, обратился к воеводе на ломаном русском:

– Имею предложить, как воевода есть дорогой гость, маленький презент. Прошу смотреть...

Епанчин глянул, куда указал Ван-Лейден, и неожиданно увидел девушку. Она сидела на стульчике, стоявшем посередине гостевой палаты, её золотистые волосы были распущены по

плечам, а в руках она держала лютню. Ощувив в груди странный холодок, Епанчин замер на месте и сделал следующий шаг, только когда хозяин торопливо придвинул ему кресло.

Подождав, пока все расселись, девушка тронула струны лютни и, глядя прямо на воеводу, запела. Слов её песни Епанчин толком не разобрал. Похоже, выпитое ренское ударило ему в голову, и сейчас воевода ощущал некое умиротворение, вызванное сладкоголосым пением.

Девушка спела ещё несколько песен, собравшиеся начали бурно выражать восторг, а Епанчин, стремясь стряхнуть внезапное наваждение, незаметно от хозяина вышел во двор. Вино таки взяло своё, в голове шумело, и воевода, не понимая толком, что происходит, бездумно смотрел перед собой.

Сколько времени он так простоял, Епанчин не понял. Он обернулся только тогда, когда кто-то мягко тронул его за локоть и негромко спросил:

– Пан воевода отдыхает?

Увидев рядом с собой неизвестно откуда взявшуюся ту самую девушку, Епанчин, стряхивая обволакивающий хмель, мотнул головой.

– Ты чего хочешь?

– Поцеловать тебя, – улыбнулась девушка и неожиданно в самом деле чмокнула воеводу в щеку.

– С чего это ты? – малость опешил Епанчин.

– А понравился, – задорно ответила девушка, и воевода вдруг ощутил, как кровь ударила ему в голову.

Но тут ему сразу же вспомнились слова келаря и, решив, что это всё по наущению Ван-Лейдена, воевода пьяно качнулся:

– Что, может, и в баню со мной пойдёшь?

– А это ежели позовёшь... – с некой заминкой ответила девушка и, резко отшатнувшись, поспешила в дом...

* * *

Старший корабел Дединовской верфи Ламберт-Гельд, стоя у самого уреза, неотрывно смотрел на выстроенную им здесь голландскую пинассу, парусное вооружение которой было завершено всего какую-то неделю назад. Речное дно в этом месте круто уходило на глубину, и оттого не обычный плоскодонный дощаник, а настоящий мореходный корабль мог стоять совсем близко от берега.

Работы шли больше года, зато теперь кроме первого военного корабля Московии, получившего гордое имя «Орёл», были спущены на воду и выстроились в кильватер за пинассой яхта, две шнеки и бот. Ламберт-Гельд посмотрел на них, убедился, что якоря держат хорошо, и снова залюбовался «Орлом».

Да и было на что посмотреть. Три высокие корабельные мачты несли пять прямых парусов. Кроме них, сзади, на бизань-мачте, имелся нужный для лавировки косой парус. Вдобавок спереди был ещё и блинд³², а с кормы, над двумя ходовыми фонарями, свешивался, слегка колыхаясь на ветру, утверждённый государем трёхцветный штандарт.

Жерла двадцати пушек, по десять с каждого борта, грозно выглядывали через открытые порты, в полной готовности палить по неприятелю, и, как убеждён был Ламберт-Гельд, на Хвалынском море, где для охраны идущих из Персии купеческих караванов в самое ближайшее время предстояло плавать «Орлу», сильнее корабля даже не могло быть.

³² Парус на бугшприте.

Созерцание маленькой флотилии прервал старший над трудившимися на верфи русскими работными людьми дворянин Яков Полуектов. Подойдя к голландцу, он дружески взял его за локоть.

– Пошли, полковник Корнелиус приказал начинать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.